

ТЕРЦОГ
НЕ СОБИРАЛСЯ
ЖЕНИТЬСЯ
НА СВОЕЙ ГОРНИЧНОЙ

isacat meow

**Герцог не собирался
жениться на своей горничной**

«Автор»

2026

meow i.

Герцог не собирался жениться на своей горничной / i. meow —
«Автор», 2026

Лидия Уорд уже четыре года служит горничной в Рейвенсмире. Она привыкла считать каждую монету, много работать и не ждать от жизни слишком многого. Эдмунд Харкорт, сорокадвухлетний вдовец и герцог Рейвенсмир, давно не ищет любви и тем более не собирается снова жениться. Когда между ними возникает притяжение, Эдмунд предлагает Лидии покинуть службу и начать отношения на честно оговорённых условиях — без обещаний брака. Но у Лидии есть собственные планы, семья, сбережения и человек из прошлого, которого она когда-то обещала дожидаться. То, что начинается как договорённость между двумя людьми из разных миров, постепенно становится чем-то, для чего уже недостаточно заранее установленных правил. Но может ли женщина, всю жизнь входившая в дом через служебную дверь, однажды занять в нём совсем другое место?

© meow i., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	44
Глава 21	46
Глава 22	48
Глава 23	50
Глава 24	52
Глава 25	54
Глава 26	56
Глава 27	58
Глава 28	60
Глава 29	62
Глава 30	64
Глава 31	66
Глава 32	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

isacat meow

Герцог не собирался жениться на своей горничной

Глава 1

— Ах... ах... медленнее... — Голос Вивьен Эшкрофт сорвался и утонул в подушках. Тяжёлые пологи кровати не пропускали и того слабого света, что уже начинал пробиваться за окнами, поэтому вокруг них всё ещё царил тёплый полумрак. Эдмунд Харкорт, герцог Рейвенсмир, упирался одной рукой в матрас рядом с её плечом. Услышав просьбу, он замедлился, хотя ненадолго. Пальцы Вивьен сильнее стиснули простыню; из её горла вырвался ещё один прерывистый звук, и она отвернулась, прижавшись лицом к подушке. Когда Эдмунд наконец замер над ней, его собственное дыхание уже сбилось и вырвалось низким хриплым стоном.

Несколько секунд никто из них не двигался. Потом Вивьен тихо рассмеялась, всё ещё пытаясь отдышаться. «Ты уже думаешь о чём-то другом, верно?» Эдмунд откатился в сторону и потянулся за рубашкой, упавшей на пол рядом с кроватью. «Об аренде южной фермы», — ответил он. Вивьен уставилась на него, а затем снова рассмеялась, на этот раз с искренним недоверием. «Мне следовало бы оскорбиться». — «Ты никогда не отличалась особой обидчивостью». — «К твоему счастью».

Они знали друг друга много лет — достаточно долго, чтобы ни один из них не принимал подобные ночи за обещание. Вивьен знала, что во время её приездов в Рейвенсмире для неё всегда найдётся комната; Эдмунд, в свою очередь, знал, что, оказавшись в городе и пожелав компании, она пришлёт ему записку. О браке между ними речи не шло никогда. О ревности — тоже. То, что существовало между ними, продержалось так долго именно потому, что никто не пытался превратить это во что-то большее.

Эдмунд дёрнул шнур звонка. Через некоторое время появился его камердинер и ничем не выдал реакции на состояние комнаты. «Ваша светлость?» — «Горячей воды». Мужчина поклонился и удалился. Вивьен нашла свой халат, перекинутый через спинку кресла, надела его и, стоя босиком, затянула пояс. Проходя мимо Эдмунда, она легко поцеловала его в уголок губ, велела не просидеть всё утро над счетами фермы и ушла в соседнюю гардеробную. К тому времени, когда принесли горячую воду и Эдмунд отправился одеваться, всё, что напоминало о личной части этого утра, уже начали убирать.

Немного позже хозяйская спальня словно перешла в другой мир. Брошенную одежду собрали, в камин подложили свежий уголь, пологи кровати раздвинули, а по служебному коридору наверх понесли корзины для белья. Когда Эдмунд с первой пачкой корреспонденции направился в кабинет, в комнату вместе с другой горничной вошла двадцатилетняя Лидия Уорд.

Слуги проснулись задолго до обоих обитателей спальни. Лидия умылась холодной водой на чердаке, спрятала волосы под чистый чепец, наскоро проглотила хлеб с чаем в комнате для прислуги и получила первый список белья ещё до того, как небо по-настоящему посветлело. Верхние комнаты всегда приводили в порядок в определённой последовательности, которую миссис Белл могла перечислить, даже не заглядывая в записи: сначала камин там, где гости ещё спали, затем вода, после — кровати, окна, ковры и всё, что ночь успела незаметно оставить после себя. Лидии нравилась эта предсказуемость. Комната могла принадлежать герцогу, гостю или какому-нибудь титулованному родственнику, чьё имя она всё равно не запомнит,

но грязную воду в любом случае требовалось вынести, а у простыней по-прежнему оставались углы, которые нужно было заправить.

За четыре года службы её тело привыкло к дому так же хорошо, как память. Она знала, какая ступень скрипит, на какой лестничной площадке холодно даже летом и где можно на полминуты поставить полную корзину, не загородив путь кому-нибудь важному. В шестнадцать лет она каждый вечер возвращалась с работы с ноющими плечами. В двадцать могла удерживать корзину с бельём на одном бедре, другой рукой открывать дверь и при этом не прерывать разговор. Хозяйская спальня смущала сильнее других комнат лишь потому, что люди, пользовавшиеся ею, находились слишком близко к следам собственной частной жизни. Сама работа оставалась всего лишь работой.

Лидия служила в Рейвенсмире уже четыре года и прекрасно понимала, почему подобная комната могла оказаться в беспорядке. Ей не раз попадались мужские галстуки, женские шпильки и пустые кувшины для воды, которые заказывали далеко за полночь. И всё же, снимая бельё с постели, которую двое людей покинули совсем недавно, она до сих пор чувствовала, как теплеют кончики ушей. Подняв с края ковра шёлковый чулок, Лидия положила его на кресло, затем наклонилась и попыталась вытянуть простыню из-под матраса. Один угол застрял намертво. Она потянула обеими руками. Простыня неожиданно выскользнула — вместе с подушкой, которая тут же упала Лидии прямо на лицо.

— Прекрасно, — пробормотала она подушке, стаскивая её с головы.

Другая горничная, возившаяся у камина, подавила смехок. Лидия тоже рассмеялась и сразу вернулась к работе. Сняв всё бельё, она открыла окно, чтобы проветрить комнату, затем присела и заглянула под кровать — не осталось ли там чего-нибудь. У края ковра в раннем свете блеснул густой красный огонёк. Рубиновая серьга. Тонкая золотая оправка была окружена мелкими камнями, и одного взгляда хватило, чтобы понять: украшение стоило больше, чем Лидия зарабатывала за несколько месяцев. Она осторожно положила серьгу на ладонь и уже собиралась позвать вторую горничную, когда за спиной раздался голос: «Что вы нашли?» Лидия вздрогнула так сильно, что едва не уронила серьгу.

Эдмунд вернулся из гардеробной так тихо, что она его не заметила; в одной руке он всё ещё держал раскрытое письмо. Судя по всему, он лишь пришёл забрать что-то забытое. Лидия мгновенно выпрямилась, присела в реверансе и протянула ладонь.

— Ваша светлость. Я нашла это возле кровати.

Эдмунд сразу узнал серьгу Вивьен. Он взял её, уточнил, где именно она лежала, затем убрал в карман и поблагодарил Лидию. Та заметно расслабилась, а её взгляд уже вернулся к недоделанной кровати. Эдмунд собирался уходить. Увидев, что девушка стоит на месте, словно ждёт разрешения продолжить работу, он почти рассеянно спросил: «Как вас зовут?»

— Лидия Уорд, ваша светлость.

— Давно вы здесь служите?

— Четыре года. Я пришла в мае.

Дольше, чем он предположил бы. В Рейвенсмире служило достаточно людей, поэтому не было ничего необычного в том, что хозяин дома не знал имени горничной, работавшей у него уже четыре года. Эдмунд кивнул и больше не придавал этому значения. Лидия же заметила другое: он всё ещё стоял именно там, где ей требовалось пройти.

— Могу я закончить комнату, ваша светлость? — осторожно спросила она.

Он отступил в сторону. «Разумеется». Лишь когда дверь за ним закрылась, Лидия наконец шумно выдохнула.

— Чего ты так нервничала? — спросила другая горничная.

Лидия запихнула наволочку в корзину. «На секунду я испугалась, что он решит, будто серьгу взяла я». Горничная посмотрела на грязное бельё, которое Лидия по-прежнему держала в руках. «Если бы ты собиралась её украсть, вряд ли стала бы стоять с ней на ладони и ждать,

пока хозяин вернётся». Лидии пришлось признать, что в этом был смысл. Она рассмеялась над собой, подхватила верхнюю корзину и велела второй девушке поторопиться. Скоро миссис Белл придёт проверять хозяйскую спальню. В действительности Лидию волновало только одно — успеть закончить работу до её появления.

Глава 2

На следующее утро в комнате для прислуги пустовал один стул. Ночью у Агнес поднялась высокая температура, и к рассвету она так и осталась в постели. Миссис Белл уже послала за врачом и перераспределила работу наверху, которой обычно занималась Агнес. Вивьен по-прежнему жила в Восточном крыле, оставить которое без внимания было невозможно, поэтому Лидию на несколько дней перевели туда. Она даже не успела закончить завтрак, когда Марта наклонилась к ней и спросила, была ли ночевавшая у герцога женщина той самой, с которой он виделся постоянно. Лидия, дожёвывая хлеб, покачала головой. «Откуда мне знать?»

— Хозяйская спальня и правда намного больше гостевых?

Лидия бросила в неё тряпкой для уборки. «Если у тебя столько свободного времени, иди и закончи свои окна». Именно в этот момент мимо двери прошла миссис Белл. Обе девушки мгновенно притихли, спрятав смех в чашках с чаем. С самого рассвета в Восточном крыле было оживлённое обычное. Горячая вода, подносы с завтраком, камины и кровати — всё делалось по порядку. Лидия дважды успела спуститься и подняться, прежде чем на третий раз наконец вошла в комнату Вивьен. Та уже не спала и сидела у окна в утреннем платье с чашкой чая в руке. На серебряном блюде возле туалетного столика лежала вчерашняя рубиновая серьга рядом со своей парой.

Обслуживание гостей требовало другого внимания, чем комнаты западной части дома, которыми Лидия занималась обычно. Семейную спальню можно было привести в порядок и не возвращаться туда несколько часов. Гостя же могла позвонить из-за дымящего камина, потерянной ленты, остывшей воды в ванне, пока выбирала платье, или просто потому, что шнур звонка висел рядом и кто-то обязан был прийти. Половину утра Лидия разбиралась, какие просьбы следовало оставлять личной горничной дамы, а с какими можно было спокойно спуститься вниз, не рискуя услышать от миссис Белл вопрос, зачем она вмешивалась не в своё дело.

Уже ко второму подъёму руки разогрелись от тяжести воды, а туфли начали натирать. Жаловаться на это не имело смысла: ничего необычного тут не было. Горничные измеряли расстояния не милями, а лестницами, и Восточное крыло отличалось особенно несправедливым их количеством. Когда Лидия наконец добралась до двери Вивьен, она уже успела решить, что всякая женщина, путешествующая с тремя сундуками, по справедливости обязана привозить с собой ещё одну пару ног для слуг, таскающих за ней все вещи. Вивьен почти сразу узнала Лидию и даже вспомнила, что накануне Эдмунд упоминал фамилию Уорд. Скорее из праздного любопытства, чем по какой-либо причине, она спросила, сколько девушке лет и как давно та служит в Рейвенсмире.

Лидия никогда не умела разговаривать с гостями так быстро и гладко, как Марта. Её ответы обычно отличались прямотой. Когда Вивьен заметила, что она выглядит совсем юной, Лидия серьёзно ответила: «Я и есть молодая». На вопрос, нравится ли ей Рейвенсмир, пришлось немного подумать.

— Жалованье всегда платят вовремя, — наконец сказала она. — Зимой есть уголь. А если после ужина остаётся десерт, кухарка обычно разрешает нам его съесть.

Вивьен рассмеялась. «Значит, нравится?»

— Да. — Лидия прозвучала совершенно уверенно.

Она не видела в своих критериях ничего смешного. Когда Вивьен продолжила смотреть на неё, Лидия даже коснулась собственной щеки и спросила, не испачкано ли у неё лицо. В конце разговора Вивьен достала из коробочки для денег серебряную монету. Сначала Лидия отказалась. По её мнению, вернуть потерянную гостьей вещь входило в обычные обязанности.

Вивьен возразила, что, не найди Лидия серьгу, по меньшей мере троим пришлось бы пол-утра ползать по ковру в её поисках. Монета, объяснила она, была платой за избавление от этой хлопоты. Лидия несколько секунд обдумывала сказанное. Такое объяснение казалось ей куда понятнее награды «за честность». Монету она взяла.

Та сразу исчезла в маленьком внутреннем кармашке фартука. За обедом Марта заметила, что Лидия выглядит необычно довольной, и приставала к ней до тех пор, пока та наконец не показала деньги. Дотронуться до монеты Лидия не позволила. Она сказала, что часть отложит, а часть, возможно, потратит на сладости. Марта ни капли не удивилась. «Я так и знала, что в конце концов всё сведётся к еде». После обеда Лидия несла наверх свежее бельё и встретила Эдмунда с управляющим домом у развилки главного коридора. Они обсуждали дренажный канал в южной части поместья, который требовалось перестроить. Лидия прижалась к стене, пропуская их, и поприветствовала, как полагалось.

— Добрый день, мисс Уорд, — сказал Эдмунд, проходя мимо.

На долю секунды она замерла. Затем мужчины ушли, а Лидия продолжила путь к служебной лестнице. Он спросил её имя только вчера, поэтому ничего удивительного в том, что сегодня помнил его, не было. Лидия почти сразу выбросила это из головы, нащупала сквозь ткань фартука серебряную монету и принялась подсчитывать, какие сладости сможет купить в деревне, не потратив слишком много.

Глава 3

К следующему дню жар у Агнес по-прежнему не спал окончательно, поэтому Лидия продолжила работать наверху. Утром она собрала использованное бельё в Восточном крыле, открыла окна в нескольких гостиных, которыми редко пользовались, и лишь после этого отправилась в кабинет Эдмунда. Миссис Белл сказала, что он уехал на южные фермы и не вернётся до обеда, поэтому Лидия убирала без особой осторожности. Кабинет оказался проще, чем она ожидала: два тёмных книжных шкафа, письменный стол, на котором всегда царил безупречный порядок, камин и несколько кресел. Почти ничто здесь не существовало исключительно ради украшения.

Кабинет убирался медленнее спальни, потому что практически ничего на письменном столе нельзя было передвигать без разрешения. Миссис Белл учила молодых горничных: вокруг бумаг вытирают пыль, но их никогда не складывают стопкой, не выравнивают и не переворачивают лицевой стороной вниз только потому, что так аккуратнее. Если хозяин оставил лист криво, он и должен остаться криво. Поэтому Лидия начала с краёв комнаты, поднимая лишь знакомые ей пустые предметы и запоминая точное место, прежде чем поставить обратно.

В каминной решётке оставались следы позднего огня. Возле стола стояла пара сапог с засохшей грязью на каблуках, а на одном из кресел лежала сложенная карта поместья с карандашными пометками. Лидия ничего не понимала ни в арендной плате, ни в дренаже, но за годы в Рейвенсмире научилась узнавать признаки ночи, когда герцог работал и после ужина. На боковой тарелке лежала нетронутая корка хлеба, успевшая зачерстветь. Её Лидия вынесла первой, мимоходом недоумевая, как можно настолько забыть о еде, чтобы она успела стать несъедобной.

Чистя камин, Лидия выскребла упрямый комок сажи и угольной пыли, и чёрная полоса легла ей поперёк переносицы. Ничего не заметив, она продолжила сидеть на корточках и оттирать железные прутья решётки. Перейдя к небольшому столику у окна, Лидия увидела, что земля в горшке с растением высохла и потрескалась. Она взяла стоявший рядом маленький кувшин для полива и налила совсем немного воды. Разумеется, именно в этот момент открылась дверь. Эдмунд вернулся раньше, чем ожидали; по краям его сапог ещё держалась грязь, а следом вошёл камердинер. Снимая пальто, он заметил горничную возле камина, а затем и кувшин на подоконнике. Лидия поднялась так резко, что ударилась коленом о решётку.

— Миссис Белл сказала, вы не вернётесь до обеда, ваша светлость. Я закончу через минуту.

— Дела на юге завершились раньше.

Уходить он ей не приказал, лишь велел принести несколько писем. Убедившись, что может продолжать, Лидия снова присела и вернулась к работе. Поначалу каждое её движение стало тише просто потому, что хозяин дома находился в той же комнате. Но вскоре со стороны стола доносился лишь шелест бумаг, и Лидия постепенно вернулась к обычному темпу. Эдмунд заговорил только тогда, когда она снова коснулась растения.

— Кто велел вам его поливать?

Лидия застыла, уверенная, что сделала что-то неправильно. «Никто. Земля выглядела слишком сухой».

— Вы знаете, что это за растение?

— Нет.

— Тогда откуда вы знали, сколько ему нужно воды?

Она сама посмотрела на горшок. Вскоре ответила: «Не знала. Поэтому налила совсем чуть-чуть. От лишней воды оно могло бы погибнуть». Эдмунд больше ничего не спросил и

вернулся к письмам. Лидия поставила кувшин на место, протёрла последний столик и взяла ведёрко для угля. Уже у двери Эдмунд окликнул её. Слов он не произнёс, лишь коснулся пальцем сбоку собственного носа.

Сначала Лидия вытерла подбородок. Поскольку он продолжал смотреть, она попробовала ещё раз и наконец нашла чёрную полосу у носа. Уши мгновенно запылали. Поблагодарив его, Лидия поспешила прочь с ведёрком и перестала тереть лицо чистым краем внутренней стороны рукава лишь тогда, когда благополучно скрылась на служебной лестнице. В кабинете снова воцарилась тишина. Эдмунд продолжил разбирать переписку по делам ферм. О горничной он больше не думал, хотя, потянувшись за чаем, на миг задержал взгляд на растении у окна. Воды она и правда налила совсем немного. В поддоне не осталось ни капли.

Глава 4

На четвёртый день своего пребывания Вивьен начала собираться обратно в город. Приехала она с тремя большими сундуками и уезжала с теми же тремя, хотя каким-то образом к ним добавились два новых платья и пара бутылок, которые Эдмунд прислал из винного погреба. С раннего утра у парадного входа носильщики переносили багаж, и в Восточном крыле царил непривычный беспорядок.

Дни отъезда всегда создавали свой особый хаос. Ящики, пустовавшие до приезда гостя, теперь внезапно обнаруживали перчатки, ленты для волос, флаконы с духами, отдельные листы бумаги, а однажды — совершенно необъяснимо — ложку из утреннего сервиза. Лидия и Агнес заглядывали под мебель, пока личная горничная Вивьен сверялась с написанным от руки списком. Прежде чем сундуки закроют, у каждой вещи должен был найтись хозяин. Всё, что обнаружится после отъезда экипажа, превращалось в цепочку записок, посылок и объяснений, которых миссис Белл предпочитала избегать.

Такому количеству вещей Лидия не завидовала. Три сундука означали, что на другом конце пути придётся распаковывать три сундука. Всё её собственное имущество по-прежнему помещалось в один деревянный сундук на чердаке, и под сложенной зимней шалью ещё оставалось место для коробочки с деньгами. Лидии это казалось куда удобнее, хотя Марта однажды заявила, что она так думает лишь потому, что никогда не владела достаточным количеством красивых вещей, чтобы к ним привязаться. Лидии поручили последнюю проверку спальни Вивьен. Присев, чтобы вытащить из-под шкафа очередную упавшую шпильку, она невольно вспомнила рубиновую серьгу.

— Вы очень легко теряете вещи, мэм.

Слова вырвались раньше, чем Лидия поняла, насколько это похоже на замечание. Она поспешно добавила: «Я только хотела сказать, что всё это очень дорого. Было бы жалко потерять». Вивьен не обиделась. Она рассмеялась и протянула Лидии маленький бумажный пакет со сладостями, сказав, что не хочет брать их в дорогу. Её личная горничная прекрасно понимала, насколько слабой была эта отговорка. Лидия же уловила сквозь бумагу запах сахара. К тому моменту, как пакет оказался у неё в руках, она уже размышляла, сможет ли отдать одну конфету Марте.

Когда настало время уезжать, Эдмунд проводил Вивьен по парадным ступеням. Уже собираясь сесть в экипаж, она как бы между прочим заметила, что девушка, нашедшая серьгу, довольно милая.

— Мисс Уорд? — спросил Эдмунд.

Вивьен замерла, положив одну руку на дверцу экипажа. Она обернулась к нему и рассмеялась. «Ты действительно запомнил её имя».

— Последние несколько дней она работает наверху.

— В Рейвенсмире мимо тебя каждый день проходит очень много людей.

Эдмунд не стал продолжать разговор. Вместо ответа он закрыл за ней дверцу. Когда экипаж исчез в конце аллеи, Эдмунд вернулся в дом и велел дворецкому пригласить арендаторов, ожидавших возле кабинета. Два земельных документа пролежали неподписанными на столе почти до обеда. Внизу же жизнь была занята совершенно другими заботами. Лидия открыла пакет со сладостями ещё до обеда и позволила Марте взять ровно одну. Несколько минут они спорили, как следует поделить оставшийся десяток с лишним. Когда речь зашла о Вивьен, обе сошлись лишь в том, что она добрая, её драгоценности стоят неприлично дорого и, возможно, ей стоило бы перестать ронять вещи под кровать.

В тот же день к вечеру жар у Агнес наконец спал. Миссис Белл сообщила Лидии, что с завтрашнего дня она сможет постепенно вернуться к обычной работе в западной части дома; останется лишь один последний обход Восточного крыла. Лидия сразу повеселела. Восточное крыло находилось далеко от помещений прислуги, и несколько лишних переходов в день заставляли ноги ныть.

К тому времени Восточное крыло уже возвращалось к своему обычному состоянию. Огню в каминах позволяли гореть слабее, запасные кувшины для воды уносили обратно в кладовые, а дополнительные подносы с завтраком исчезли из утреннего списка. После того как сундуки Вивьен вынесли, Лидия помогла снять бельё с её постели. Без вышитого покрывала, флаконов с духами и разбросанных украшений кровать выглядела неожиданно безликой. Через час она могла бы принадлежать любому гостю. Это показалось Лидии немного странным. Люди, которые будто заполняли собой всю комнату, после отъезда оставляли тот же голый матрас и пустые ящики, что и все остальные. Ближе к сумеркам Лидия несла наверх последнюю корзину белья и увидела вдали в другом коридоре Эдмунда с управляющим поместьем. Они были слишком далеко друг от друга, чтобы кто-либо остановился. Никто и не остановился.

Прежде чем свернуть к задней лестнице, Лидия достала из кармана половинку конфеты, положила в рот и продолжила путь в противоположную сторону.

Глава 5

Прежде чем Агнес окончательно вернулась к своим обязанностям, кухня снова оказалась в состоянии всеобщей спешки. На ужин ожидали нескольких соседних землевладельцев; с рассвета на плите томился бульон, а длинные рабочие столы были заставлены овощами и яйцами. Всех, кто умел носить воду, переставлять посуду или доставлять бельё, привлекли к работе, чтобы закрыть нехватку рук. Лидия спустилась за горячей водой и в узком дверном проёме столкнулась с кухонной служанкой, которая несла корзину овощей. Медный кувшин накренился. Кипяток плеснул прямо на тыльную сторону правой руки Лидии. Боль вспыхнула мгновенно. Она всё же успела безопасно поставить кувшин и только потом сунула руку под холодную воду.

Кухарка перехватила её за запястье, прежде чем Лидия успела растереть обожжённое место, намазала кожу мазью и обернула чистой тканью. Лидия по-прежнему переживала из-за горячей воды, которую ждали наверху, пока кухарка не рявкнула: «Ты единственный человек в этом доме, который умеет носить кувшин?» После этого Лидия спорить перестала, и её перевели на более лёгкую работу с бельём.

«Лёгкая работа» на деле означала всё, что можно было неудобно делать одной рукой вместо двух. Лидия складывала простыни, прижимая их к предплечью, обнаружила, что не может надеть чистую наволочку, не зацепив повязку, и дважды по привычке потянулась за корзиной пострадавшей рукой. Каждая такая ошибка отзывалась резким пульсом боли по коже. После третьего раза Агнес пригрозила привязать Лидии запястье к фартуку, если та продолжит делать вид, будто ничего не случилось.

На кухне было ещё хуже. В проходе стоял запах жарящегося мяса и выпечки, рука под повязкой ныла, а Лидия была настолько голодна, что начинала сердиться на каждый поднос, мимо которого приходилось проходить, ничего не попробовав. В конце концов кухарка сунула ей корку хлеба, намазанную вытопленным жиром, и велела съесть её прямо у двери. Лидия послушалась, а затем спросила, заживёт ли ожог к следующей выдаче жалованья. Кухарка ответила, что ожоги не сверяются с хозяйственными счетами, прежде чем затягиваться. Лидия всего лишь думала, не уменьшат ли ей плату, если целую неделю она будет работать медленнее. Ответ смутил её достаточно, чтобы ничего не объяснять.

Она несла простыни через галерею, когда мимо прошли Эдмунд, управляющий помещением и сборщик арендной платы; все трое направлялись в кабинет. Они обсуждали, можно ли разрешить нескольким арендаторам на южных землях отсрочить половину сезонного платежа. Как всегда, Лидия отошла в сторону, пропуская их. Белая повязка на правой руке резко выделялась на фоне тёмного рабочего платья. Взгляд Эдмунда на короткий миг задержался на ней, однако он не остановился. Сборщик уже спрашивал, следует ли добавить штраф к отсроченной сумме.

— Если убытки действительно вызваны дождливым сезоном, они могут отложить платёж без штрафа, — сказал Эдмунд.

Мужчины пошли дальше. Лидия уже двигалась в противоположную сторону и даже не оглянулась. Лишь за обедом у Марты наконец появилась возможность как следует её отчитать: она потребовала объяснить, зачем Лидия продолжает таскать стопки белья после ожога. Лидия медленно ела рагу левой рукой и заметила, что простыни, вообще-то, не горячие. Марта несколько секунд смотрела на неё, словно не могла решить, какую часть этого ответа следует исправить первой. Очень скоро разговор уже перешёл к вопросу, не осталось ли на кухне кусочка вчерашнего яблочного пирога. В собственной голове Лидия к тому времени успела свести травму к формулировке: «почти не болит, если её не трогать».

В тот вечер, пока Эдмунд разбирал счета поместья, перед глазами у него ненадолго возникла белая повязка. В Рейвенсмире существовал свой порядок. Если кухарка или миссис Белл сочтут травму серьёзной, они позаботятся о девушке. На следующее утро он снова встретил Лидию в главном коридоре; рука по-прежнему была перевязана. Она стояла с другой горничной и вполголоса спорила, кто съел последний кусок яблочного пирога. Увидев Эдмунда, Лидия тут же замолчала и присела в реверансе. Он пожелал ей доброго утра, и они разошлись. Как только его шаги стихли, Лидия немедленно продолжила спор с того места, где остановилась. Узнав, что на кухне действительно остался лишь один маленький кусочек пирога, она заметно ускорила шаг по лестнице, хотя руки у неё были заняты наволочками.

Глава 6

На седьмой день Агнес наконец снова спустилась вниз, и работа в Рейвенсмире вернулась к привычному кругу. Оказавшись в знакомой западной части дома, Лидия заметно расслабилась. Она знала, какие окна следует открывать первыми по утрам, под какими кроватями быстрее всего скапливается пыль и в каких гостевых спальнях зимой сильнее всего гуляют сквозняки. Теперь ей не приходилось весь день помнить новые маршруты.

Прежний распорядок почти сразу лёг вокруг неё привычной рамкой. По утрам в западных комнатах было холоднее, поэтому сначала Лидия раздвигала шторы и лишь потом открывала окна; золу выносила до того, как коридоры наполнялись людьми. Она знала, какой пожилой гость просит дополнительное одеяло даже в тёплую погоду, в какой редко используемой комнате после дождя нужно проверять ставни и на каком полированном столике отпечатки пальцев появляются от одного прикосновения. К десяти часам она застелила шесть кроватей, вычистила две каминные решётки, отнесла три кувшина и напомнила младшей горничной, что пыль под креслом всё равно считается пылью, даже если стоя её не видно.

Вечером выдали жалованье. Лидия отнесла свой конверт вверх и только там открыла. Первой она отделила долю для матери, завернула деньги в бумагу и написала сумму снаружи, чтобы контора поместья могла переслать её. Меньшая стопка отправилась в коробочку с накоплениями. Оставшегося должно было хватить до следующего месяца: на мыло, нитки для штопки, чулки, если пятка нынешней пары окончательно протрётся, и какую-нибудь маленькую глупость, которую Лидия, возможно, решит себе позволить. Она пересчитала деньги дважды, затем достала одну монету и положила в карман дневного платья. Из пакета Вивьен ещё оставались четыре конфеты, но четыре конфеты — совсем не то же самое, что знание: если захочется, можно купить новый пакет.

Внизу Марта уже мысленно тратила часть собственного жалованья, описывая ленту, которую видела в деревне. Лидия слушала, одновременно пришивая оторвавшуюся завязку фартука, и сказала, что лента будет выглядеть очень красиво ровно до первого раза, когда на неё попадёт вода из прачечной. Марта заявила, что у Лидии душа старухи. Лидия заметила, что у старух обычно больше денег. За обедом Марта пожаловалась, что после почти недели вечерних рассказов Лидии о Восточном крыле теперь, наверное, сама сумеет там не заблудиться. Лидию же занимало одно: в пакете Вивьен по-прежнему оставались четыре конфеты.

— Будь они моими, я бы съела их ещё несколько дней назад, — сказала Марта.

— Вот поэтому у тебя их и нет, — с полной серьёзностью ответила Лидия.

За столом рассмеялись все. Затем в дверях звякнули ключи миссис Белл, и комната почти автоматически стихла: каждый снова занялся своей едой. Эдмунда Лидия увидела в тот день лишь однажды и издалека. Он вместе с управляющим поместьем направлялся к кабинету, обсуждая дренажные работы. Лидия прошла по противоположному коридору со стопкой наволочек и, когда они исчезли, продолжила свои дела. Частые встречи последних дней, возникшие исключительно из-за временного перевода вверх, закончились так же резко, как начались. Вернулась привычная дистанция прежних четырёх лет.

Вечером, когда Эдмунд пришёл в кабинет, Агнес оставила каминную решётку безупречно чистой, а растение у окна было полито. Стол заваливала корреспонденция из Лондона и разных частей поместья. Вивьен хотела знать, собирается ли он приехать в город в конце месяца. Ещё одно письмо от леди Беатрис снова напоминало ему о семейном ужине. Эдмунд работал допоздна. Время от времени его взгляд проходил по растению, и он вспоминал горничную, сказавшую, что не знала, сколько ему нужно воды, поэтому налила лишь немного. Потом он переходил к следующему письму.

Внизу Лидия наконец получила кусок яблочного пирога, которого ждала весь день. Марта следила за её тарелкой так пристально, что Лидия просто запихнула последний кусок в рот прежде, чем та успела протянуть руку, и жевала с надутыми щеками. К тому времени, когда она вернулась в чердачную комнату, за окнами моросил мелкий дождь. Лидия умылась, забралась в кровать и почти сразу уснула, совершенно не представляя, сколько ещё часов будет гореть лампа в кабинете наверху.

Глава 7

Через три дня Рейвенсмир снова пришёл в движение: предстоял официальный ужин. Длинный обеденный стол, серебро, гостевые комнаты, винный погреб, кухня и конюшни будто одновременно потребовали внимания. Слуг, которые обычно работали в одной части дома, к концу дня успевали отправить в три разных места.

Миссис Белл приколотла список комнат возле служебной лестницы и дважды изменила его ещё до окончания завтрака. Поздно пришедшее согласие означало, что нужно открыть ещё одну спальню; супружеская пара, сначала попросившая соседние комнаты, теперь захотела одну; камердинер одного из джентльменов заранее прислал записку, что из-за слабых лёгких его хозяину следует разжечь камин за несколько часов до приезда. Ни одно из этих решений не зависело от Лидии, однако каждое меняло маршрут её дня. К полудню она столько раз поднялась по лестницам, что мышцы над коленями горели всякий раз, когда приходилось приседать и заправлять простыню.

Комната для прислуги превратилась в место, куда заходили лишь на время, необходимое, чтобы проглотить еду. Лакеи ели стоя. Кухонная служанка пришла за чистыми тряпками, а ушла с шестью лишними. Кто-то потерял второй ключ от гостевой комнаты в южном коридоре, и выражение лица миссис Белл намекало: если ключ в ближайшее время не найдётся, она начнёт обыскивать людей, а не ящики. Лидия обнаружила его под сложенным списком, куда ключ положила нервничающая новая горничная, и получила в награду лишь короткий кивок экономки. Лидию устроило и это.

Официальные ужины казались лёгкими только по ту сторону дверей столовой. Лидия давно усвоила этот урок. Чем ровнее горели свечи и безупречнее обслуживали каждого гостя, тем вероятнее было, что за стеной кто-нибудь провёл предыдущий час бегом. Тем утром Лидия и Марта несли наверх огромную стопку покрывал. Из-за груды ткани Марта не видела собственных ног и на повороте едва не съехала по ступеням, уронив два покрывала вниз на несколько пролётов. Девушки присели, чтобы сложить их заново, и одновременно обвиняли друг друга, пока снизу не донёсся голос миссис Белл, назвавшей одну из них по имени. Они схватили свёрток и поспешили дальше. После полудня экипажи начали прибывать один за другим.

Ещё до появления первого экипажа из комнаты, где хранилось столовое серебро, поступила новая срочная просьба о тряпках для полировки. Лакей обнаружил отпечатки пальцев на приборах, уже один раз прошедших проверку, а миссис Белл требовала отполировать их снова до открытия дверей столовой. Лидия двадцать минут носила готовое бельё мимо ряда сверкающих подносов и, одновременно слушая троих раздражённых людей, поняла: совершенство в большом доме часто означает переделать ту же работу ещё раз только потому, что кто-то старше по должности посмотрел на неё под другим углом. Марта заметила через щель в занавеске гостевой комнаты светловолосую женщину и позвала Лидию.

— Вот эта очень красивая.

Лидия в тот момент заправляла угол простыни, но любопытство победило. Внизу стояла леди Хелена Уиклифф, на вид лет тридцати пяти или тридцати шести, в безупречно скроенном дорожном платье. Эдмунд вышел встречать её лично. По той непринуждённости, с которой они держались рядом, сразу было видно: знакомы давно.

— Ты знаешь, кто она? — прошептала Марта.

— Откуда мне знать?

— Ты всю неделю работала наверху.

— Я вытирала пыль и меняла простыни. Я не сидела рядом с его светлостью и не слушала, как он представляет гостей.

Из коридора кто-то крикнул, спрашивая, готова ли комната. Обе девушки тут же опустили занавеску и вернулись к работе. Когда позже принесли список гостей, имя Хелены оказалось всего лишь одним среди многих. Распределяя комнаты в Восточном крыле, миссис Белл не стала давать никаких личных пояснений. Лидия отнесла в комнату Хелены горячую воду, по просьбе открыла окно — после долгой поездки в экипаже воздух казался душным, — сменила цветы, снова наполнила кувшин и ушла, унося пустой.

К началу самого ужина ноги Лидии налились тяжестью от усталости. Гости переодевались, теряли перчатки, жаловались на холодные комнаты и снова и снова звонили слугам. Она поднялась по задней лестнице с охапкой использованных полотенец как раз в тот момент, когда группа гостей направлялась в гостиную. Впереди шёл Эдмунд. Хелена рядом с ним, уже в тёмно-красном вечернем платье, повернула голову, чтобы что-то сказать. Лидия прижалась к стене и присела в реверансе. Когда они прошли, она отправилась в другую сторону. Единственное, что действительно осталось у неё в памяти, — цвет платья Хелены. Лидия совершенно серьёзно подумала, что, надень она такое, уже через полдня наверняка испачкала бы подол.

Глава 8

Когда ужин наконец начался по-настоящему, парадная столовая и служебные коридоры словно оказались в двух разных домах. В зале десятки свечей отражались в серебре и винных бокалах. За дверями слуги носили блюда, меняли воду, разыскивали шали и подбрасывали уголь в камины. В проходе рядом со столовой было так жарко, что лица блестели от испарины. Блюда шли волнами: вынести тарелки после супа, внести рыбу, убрать использованные приборы, подать чистые, поднять вино из погреба, передать сообщение дворецкому, затем ещё одно — потому что один из гостей решил пересесть. Лидия большую часть вечера оставалась наверху, однако каждый переход через нижний коридор означал, что ей приходилось обходить подносы, корзины и людей, двигавшихся с сосредоточенной быстротой тех, кому нельзя позволить себе столкновение.

Однажды, когда она несла свежие полотенца, её остановила пожилая гостья, потерявшая шаль. Шаль обнаружилась на спинке кресла, с которого женщина только что встала. Лидия молча принесла её, получила благодарность, словно совершила нечто выдающееся, и успела уйти прежде, чем её попросили найти что-нибудь ещё. Через десять минут позвонил джентльмен: вода в его комнате оказалась недостаточно горячей, хотя первый кувшин простоял нетронутым почти полчаса. К тому времени Лидия уже начала в уме распределять гостей по тому, сколько работы каждый способен создать за один час.

Хелена Уиклифф занимала в этом негласном списке далеко не худшее место. Она просила необходимое один раз, благодарила и не звонила снова лишь потому, что тишина начинала её раздражать. Лидия ценила это куда выше любого титула. За парадным столом она не прислуживала. Весь вечер ходила между гостевыми комнатами и хозяйственными коридорами и только около девяти поняла, что за ужином съела всего несколько ложек рагу. Марта встретила её в коридоре и услышала, как у Лидии заурчало в животе.

— Потерпи ещё немного. На кухне останется еда.

— А десерт останется? — сразу спросила Лидия.

Марта рассмеялась, но Лидия ни капли не смутилась. По её мнению, всё, что гости обсуждали за длинным столом — кто с кем состоит в родстве, к какому титулу относится то или иное поместье, — было куда менее важно, чем вопрос, останется ли потом для прислуги миндальный пирог. Ближе к одиннадцати гости начали расходиться по комнатам. Отнеся последний кувшин горячей воды, Лидия встретила Хелену там, где Восточное крыло соединялось с главной частью дома. На плечах у Хелены лежала лёгкая накидка, и пьяной она не выглядела. Она пожелала Лидии доброй ночи, но вместо того, чтобы свернуть к своей комнате, пошла по другому коридору — к личным покоям Эдмунда.

Лидия за ней не последовала. Ни одной горничной Рейвенсмира не позволили бы стоять там и глазеть, даже если бы ей этого хотелось. Она просто унесла пустой кувшин и закончила оставшуюся работу.

На другом конце дома Хелена постучала, и её впустили почти сразу. Эдмунд уже снял парадный сюртук. Несколько минут они обсуждали очередную попытку леди Беатрис вывести, когда он намерен снова жениться, а затем перестали тратить время на эту тему. Хелена сама ослабила его галстук. Эдмунд достаточно хорошо знал её привычки, чтобы не мешать. Когда она предупредила его не испортить новое платье, он предложил сначала его снять и в ответ услышал раздражённое замечание о его чрезмерной практичности.

Дальнейшее было привычным, прямым и совершенно взрослым. В какой-то момент Эдмунд оказался слишком резок, Хелена велела ему замедлиться, и он послушался. После она

лежала на боку, переводя дыхание, и всё ещё с забавой думала о том, что за завтраком леди Беатрис непременно снова спросит, когда Эдмунд собирается жениться.

— Обязательно говорить о моей тётке именно сейчас? — спросил он.

— До Восточного крыла слишком далеко. Сегодня я сплю здесь. Пусть утром кто-нибудь принесёт мои вещи.

Он согласился почти не задумываясь и ушёл в гардеробную умыться. Как и с Вивьен, им обоим никогда не требовалось придавать обычной ночи значение, которого в ней не было.

На противоположном конце Рейвенсмира Лидия наконец добралась до чердачной комнаты. Марта по-прежнему пыталась рассказать, кто из гостей напился за ужином, но Лидия уже зевала, едва успев снять верхнее платье. В конце концов она вытащила из волос только две шпильки и рухнула на кровать. Дождь продолжал стучать по крыше. Марта ещё минуту пробормотала что-то себе под нос, затем сдалась и задула свечу.

Глава 9

Работа, оставшаяся на утро после официального ужина, каким-то образом оказалась утомительнее самого ужина. В комнате для прислуги зевали все. Марта жевала хлеб и заявляла, что больше никогда не станет завидовать аристократам из-за их роскошных приёмов. Нужно было проветрить спальни, вычистить полные золы каминные, собрать винные бокалы, почему-то оказавшиеся там, где бокалам вообще нечего было делать, и удалить мелкие пятна с ковров, которые, судя по всему, волшебным образом появились после полуночи. Две горничные тащили вниз чехол с матраса: один из гостей разлил на него шоколад. Лакей пришёл с оторванной пуговицей от мужского сюртука и каким-то образом ожидал, что в швейной комнате сочтут это срочным делом. Ночью, когда гости расходились спать, дом выглядел безупречно; при дневном свете прислуге оставались все следы того, какой ценой эта безупречность создавалась.

Лидия двигалась медленнее обычного, хотя, спроси её кто-нибудь, она бы это отрицала. После вчерашних лестниц болели икры. Меняя полотенца в одной из комнат, Лидия села на край кресла ровно на десять секунд, отсчитала их в уме и снова поднялась. Агнес увидела это и ничего не сказала. Несколько минут спустя уже Лидия застала Агнес у шкафа с бельём: та стояла, прислонившись спиной, с закрытыми глазами. Лидия отплатила тем же и молча прошла мимо. Зато у кухарки она уже успела расспросить об остатках ужина и знала, что в полдень десерт поделят. От этого настроение у неё заметно улучшилось.

Большинство гостей ещё толком не встало, когда Лидия понесла чистые полотенца в Восточное крыло. На переходе к главной части дома она случайно увидела Хелену, выходящую из личных покоев Эдмунда. Ближе к позднему утру гости начали уезжать небольшими группами. Камердинеры спускали вниз чемоданы. Личные горничные в последний раз проверяли ящики. Лошадей подводили к дому, и те стояли на холоде, выпуская пар, пока наверху кто-нибудь внезапно не решал, что шаль положили не в тот сундук. С каждым уезжающим экипажем напряжение в доме немного спадало. Двери открывались всё реже. Звонки звучали не так часто. Коридоры постепенно снова становились Рейвенсмиром, а не временной гостиной, заполненной людьми, которые не знали, где здесь что находится.

Эту часть больших визитов Лидия любила больше всего. Когда гости уезжали, слуги наконец могли свободно жаловаться. Лакей, которого два дня подряд называли чужим именем, изобразил одного из гостей настолько точно, что даже Агнес рассмеялась. Марта утверждала, будто один джентльмен за день семь раз потребовал горячую воду. Лидия сказала, что если человеку нужно мыться семь раз в сутки, то, вероятно, проблема уже глубже, чем вода способна исправить. Кухарка услышала эту фразу и едва не выронила ложку. Хелена была в тёмном утреннем платье. Следом за ней шла личная горничная с одеждой в руках. Хелена и Лидия вежливо пожелали друг другу доброго утра и разошлись.

Лидия прекрасно понимала, что всё это означает. Ей было двадцать, и четыре года она служила в большом доме. Уж точно она не собиралась воображать, что взрослая женщина, выходящая на рассвете из спальни герцога, провела ночь за разговорами о погоде. В комнате Хелены Марта одного взгляда на нетронутую кровать хватило, чтобы она едва не задрожала от возбуждения.

- Ты видела, как она выходила из покоев его светлости?
- Видела. — Лидия продолжила складывать полотенца.
- Я же говорила, что они близки.
- Ты говорила это вчера.
- Значит, я была права.

— Была. Никакого приза за это не полагается.

На секунду Марта даже не нашлась, что ответить. Наконец спросила, неужели Лидии совсем не любопытно. Та серьёзно задумалась.

— Леди Уиклифф очень красивая, — сказала она. — И вчерашнее тёмно-красное платье было чудесным.

Марта подождала. Больше ничего не последовало. В конце концов она сдалась. Позже тем же утром Хелена уже была полностью одета и разговаривала с Эдмундом в главном холле о том, когда собираются уезжать остальные гости. Лидия прошла вдалеке с полотенцами для прачечной, лишь однажды отступила у угла, пропуская кого-то, а затем продолжила путь вниз, на кухню. Кухарка сдержала слово. Остатки миндального пирога нарезали небольшими кусочками и разложили на столе. Лидия взяла свою долю, села у окна в комнате для прислуги и ела медленно. В конце она даже собрала кончиком пальца последние крошки с края тарелки и отправила их в рот.

Глава 10

Через три дня после отъезда последних гостей миссис Белл впервые за долгое время сократила работу после обеда. У Лидии освободилось полдня. Она переделалась из рабочего платья и вместе с Мартой пошла в деревню через задние ворота поместья. Серебряная монета Вивьен всё ещё была при ней, но тратить её целиком Лидия не собиралась. Сначала они купили нитки, иглы и несколько самых обычных необходимых вещей. Возле лавки со сладостями Лидия так долго разглядывала витрину, что Марта начала жаловаться. В итоге она выбрала лишь маленький пакет самых дешёвых леденцов и тщательно убрала каждую монету, полученную со сдачи.

Полдня в деревне всегда казались длиннее такого же количества часов в Рейвенсмире. Здесь никакой звонок не гнал их от одного дела к следующему. Можно было остановиться у витрины, потому что взгляд зацепился за какую-нибудь вещь, и стоять там, пока не надоест. Марта несколько минут разглядывала ленты, которые не могла себе позволить. Лидия задержалась у книжной лавки: рядом с небольшим путевым очерком висела цветная гравюра с горным перевалом. На ней дорога извивалась между тёмными склонами и поднималась к озеру такой синевы, что оно казалось выдуманым.

Книга стоила больше, чем Лидия готова была потратить на себя. И всё же она прочитала название сквозь стекло и попыталась представить, сколько времени заняла бы поездка в экипаже до подобного места. Марта, мысленно уже успевшая пройти три следующих магазина, вернулась за ней и спросила, с каких пор Лидию интересуют горы. Та ответила, что вовсе не интересуют; просто она никогда их не видела. По её мнению, этого было достаточно, чтобы посмотреть.

Следом они прошли мимо постоянного двора, где останавливались почтовые экипажи. Во дворе путешественникам меняли лошадей, а женщина в зелёной шляпке стояла возле груды багажа и распоряжалась носильщику, куда что нести. Лидия на миг задержала взгляд, затем пошла дальше прежде, чем Марта успела придать этому какое-нибудь значение. Мысль покинуть Рейвенсмир всегда существовала для неё в виде работы, денег и Натаниэля где-то на юге. Саму дорогу она почти никогда не представляла.

— Ты выбираешь сладости серьезнее, чем большинство людей выбирают обувь, — сказала Марта.

— Обувь слишком дорогая. О ней мне даже думать не приходится.

— Тогда на что ты копишь все эти деньги? — небрежно спросила Марта.

Лидия замедлила шаг.

— Когда-нибудь они мне понадобятся.

Имя Натаниэля она посреди улицы произносить не стала. Пока что оно всё ещё относилось к той части прошлого, с которой Лидия не решила, что делать. На данный момент копить деньги казалось разумным. Если наступит день, когда ей действительно придётся уйти из Рейвенсмира, лучше иметь хоть что-то, чем ничего. Молодой человек в пекарне знал их обеих. Увидев Лидию, он полез под прилавок и достал печенье с подгоревшим краем, объяснив, что продать его нельзя — слишком плохо выглядит. Лидия откусила, убедилась, что середина не сгорела, и совершенно серьёзно сообщила: оно вполне съедобное. Молодой человек рассмеялся. «Тогда буду откладывать для тебя все испорченные».

— Только если подгорели одни края, — добавила Лидия.

Марта тут же слегка толкнула её в плечо и велела перестать соглашаться на всё, что ей предлагают. Все трое несколько минут стояли в дверях и смеялись. Затем с дороги донёсся стук колёс. Экипаж с гербом Рейвенсмира неспешно возвращался от арендных ферм. У Лидии

во рту по-прежнему оставалась половина печенья. Как только она узнала герб, тут же вынула печенье и вместе с Мартой отступила в сторону. Внутри сидел Эдмунд; на одном колене лежали несколько документов по делам ферм. До этого он читал, но, когда экипаж замедлился в деревне, посмотрел в окно. Перед пекарней смеялась компания молодых людей. Одну девушку в старом светло-коричневом платье, державшую, по всей видимости, половину печенья, он узнал сразу. Мисс Уорд.

Увидев его, Лидия так поспешно присела в реверансе, что шляпка едва не съехала с головы. Одной рукой пришлось ловить поля, а другой прятать печенье за спиной. Движений оказалось столько, что всё это выглядело слегка нелепо. Эдмунд склонил голову. Экипаж не остановился и продолжил путь к поместью. Как только он скрылся, Марта уставилась на Лидию. «Зачем ты спрятала печенье? Его светлость не собирался его у тебя отбирать». Лидия посмотрела на то, что держала в руке, и толком не сумела ответить. Ей просто показалось неприличным стоять перед герцогом с набитым ртом.

Она снова откусила печенье и пошла к следующей лавке. Экипаж никак не повлиял на остаток её свободного дня.

Вернувшись в Рейвенсмир, Эдмунд снова занялся счетами арендаторов вместе с управляющим поместьем. Позже из окна кабинета он заметил нескольких горничных, входивших через задние ворота с бумажными свёртками. На одной было то самое светло-коричневое платье, которое он видел в деревне. Его взгляд задержался лишь на миг и вернулся к лежавшему перед ним письму. Задняя дверь закрылась за небольшой вереницей девушек с покупками. Эдмунд перевернул страницу отчёта об аренде, снова поставил перо к полю, и спустя несколько мгновений в кабинете слышался только тихий шелест бумаги под его руками.

Глава 11

Два дня после ужина настоящего спокойствия не принесли. Приближался октябрь. Несколько договоров аренды на южных землях требовали продления, два комплекта счетов с прошлого урожая всё ещё не были закончены, а пакеты из Лондона, казалось, с каждым днём становились толще. Три утра подряд Эдмунд уезжал ещё до рассвета. Возвращаясь, он сразу шёл в кабинет. Дважды велел принести туда на ужин холодное мясо и вино, и оба раза, когда подносы уносили обратно, большая часть еды оставалась нетронутой.

Сами дни были куда менее упорядоченными, чем бумаги, в которых их события позднее превращались в аккуратные записи. Один арендатор требовал перенести дренажную канаву до зимы. У другого сорвало часть крыши, и он настаивал, что ремонт должен оплатить владелец поместья, а не он сам по условиям аренды. После дождя сдвинулся межевой знак; двое мужчин с соседних ферм спорили о том, где он стоял раньше, и часть одного дня Эдмунд провёл на мокром поле, выслушивая обе версии, пока управляющий заново измерял землю. Когда он вернулся в Рейвенсмир, грязь на боках его сапог для верховой езды успела высохнуть почти добела.

Еда превратилась в то, что удавалось втиснуть между делами. Первым исчез завтрак. Дважды обед успел остыть. На второй вечер камердинер обнаружил на столе в кабинете тарелку, с которой исчез только один ломтик мяса, и тоном человека, задававшего подобный вопрос уже много лет, поинтересовался, намерена ли его светлость доесть остальное до полуночи. Эдмунд ответил, что намерен. После одиннадцати тарелка по-прежнему стояла там же.

В сорок два года усталость ощущалась иначе, чем бесконечная энергия, которую он помнил в двадцать. Когда дела поместья требовали, Эдмунд всё ещё мог выехать до рассвета и работать далеко за полночь. Просто после этого спина обязательно сообщала ему, что думает о подобном решении. В ту ночь, когда дом наконец затих, потребность, с которой он разбирался в постели, имела ещё меньше отношения к романтике, чем обычно. Это было лишь ещё одно напряжение, от которого тело требовало избавиться, прежде чем согласиться уснуть.

Ближе к полуночи третьего вечера камердинер снял с него забрызганное грязью пальто и положил на край стола две короткие записки — одну от Вивьен, другую от Хелены. Вивьен спрашивала, будет ли он в городе в конце месяца. Хелена просто приглашала зайти выпить, когда выдастся свободный вечер. Эдмунд прочитал обе. Ни от одного приглашения он не отказался, но и назначать что-либо сразу не стал. Сейчас в расписании не находилось даже двух полных свободных дней подряд. Вызывать кого-нибудь из города в Рейвенсмир лишь потому, что у его тела имелись определённые нужды, ему тоже не хотелось.

После ванны в комнате наконец стало тихо. Эдмунд устал настолько, что больше не хотел видеть перед собой ни одной цифры, однако тело по-прежнему не отпускало напряжение последних бесконечных дней. Некоторое время он просто лежал, затем приподнялся, опёрся спиной об изголовье и сам избавился от этой потребности. Никакого определённого лица он не представлял. Не пытался заново разыгрывать в памяти прежнюю встречу. Всё было привычно и ничем не примечательно. Закончив, он привёл себя в порядок, снова лёг и через несколько минут провалился в глубокий сон. А следующим утром внизу разворачивался кризис совершенно иного масштаба. Лидия открыла бумажный пакет, который прятала в углу шкафа в бельевой комнате. Внутри осталась только сахарная пыль. Очень медленно она повернула голову.

Марта стояла к ней спиной и с необыкновенной сосредоточенностью складывала наволочки. Верхнюю она уже разгладила трижды.

— Ты съела мою конфету? — спросила Лидия, подходя с пустым пакетом.

Сначала Марта заявила, что вчера вечером была голодна. Когда Лидия спросила, почему она не съела собственную конфету, Марта без малейшего стыда призналась, что её сладости закончились несколько дней назад. Лидия долго смотрела на неё, после чего объявила, что теперь Марта должна ей три конфеты, потому что именно эту она берегла целых три дня. Марта расхохоталась так, что чуть не согнулась пополам. Они по-прежнему шёпотом спорили, считается ли срок хранения конфеты процентами по долгу, когда за дверью звякнули ключи миссис Белл. Обе девушки мгновенно подхватили бельё и придали лицам выражение совершенной невинности.

Миссис Белл всего лишь велела сначала разнести бельё по западной части, а Восточное крыло оставить на послеобеденное время. Она посмотрела на слишком высокую стопку простыней в руках Лидии и предупредила, чтобы та снова не рассыпала всю ношу по галерее. Едва экономка отошла достаточно далеко, Марта открыла рот.

— Три, — сразу сказала Лидия, толкнув её в плечо свёртком простыней. — И не делай вид, будто забыла.

Они продолжали тихо спорить всю дорогу вверх по служебной лестнице. В дальнем конце главной части дома кто-то пересёк поперечный коридор. Между двумя дверными проёмами на миг мелькнул тёмный сюртук. Лидия узнала Эдмунда и остановилась лишь настолько, чтобы издали присесть в реверансе, после чего понесла бельё дальше на запад. Вскоре за ним закрылась дверь кабинета, и внутри началась первая встреча с арендаторами за этот день. По задней лестнице время от времени по-прежнему поднимался приглушённый смех Марты.

Глава 12

Четыре дня спустя над Рейвенсмиром всю ночь лил дождь. К вечеру несколько старых оконных рам начали протекать, и слуг разослали по всему дому: расставлять тазы, поддерживать огонь в каминах и закрывать ставни. Лидии оставалось проверить всего две гостевые комнаты, после чего она могла вернуться на чердак, но заклинившее окно в западной части заставило её дважды сбегать за инструментами. Когда она положила последнее полотенце, было уже почти одиннадцать.

Вода всегда находила слабые места, о которых никто не вспоминал, пока дождь не становился достаточно сильным. В одной пустовавшей комнате по обоям потянулась тонкая мокрая дорожка. В другой ветер загнал капли под подоконник и промочил сложенное полотенце, которое Лидия уже успела туда положить. Она заменила его, отнесла мокрое вниз, вернулась с новым и тут же обнаружила, что таз под другим окном почти переполнен. К десяти часам манжеты рабочего платья отсырели, а один чулок неприятно прилипал к щиколотке.

Старшие слуги знали, какую течь можно оставить до утра, а ради какой придётся будить лакея и требовать инструменты. Лидия ходила из комнаты в комнату по указаниям миссис Белл, держа свечу в одной руке, пока Агнес обеими плечами пыталась закрыть перекосившуюся ставню. В какой-то момент они обе стояли в темноте и задыхались от смеха: ставня наконец захлопнулась с такой силой, что свеча погасла. Они снова её зажгли, дважды проверили засов и пошли к следующей комнате, по-прежнему не до конца перестав улыбаться.

Когда зазвонил колокольчик библиотеки, Лидия уже столько часов слушала стук дождя по стеклу, что ей казалось, будто этот звук поселился внутри головы. Однако наверх по-прежнему требовалось отнести чай. Рейвенсмир не становился менее требовательным только потому, что все в нём устали. Лидия вышла из служебного коридора с пустой корзиной, когда лакей, следивший за звонками, окликнул её. В библиотеке просили свежий чай и горячую воду. Слуга, который обычно относил поднос, помогал устранять течь возле крыши, поэтому на кухне поручили работу первому свободному человеку. Глаза Лидии резало от усталости. Прежде чем поднять поднос, она намеренно постояла неподвижно, дожидаясь, пока пройдёт зевок.

Эдмунд был в библиотеке один. Парадный сюртук он снял, рукава рубашки закатал до предплечий. На столе рядом с несколькими только что распечатанными письмами лежала раскрытая карта дороги, пострадавшей от дождя. Лидия поставила поднос. Заметив, что фитиль одной свечи стал слишком длинным, она машинально подрезала его маленькими ножницами для свечей, затем отодвинула подсвечник подальше от бумаг, чтобы растаявший воск не капнул на карту.

— Вы всё ещё работаете? — спросил Эдмунд, подняв взгляд как раз в тот момент, когда она несколько раз подряд моргнула.

— Наверху осталось проверить последний камин, ваша светлость. После этого я закончу.

Дождь сильнее забарабанил по окнам. Ветер ударил в дымоход, и даже огонь в камине на миг наклонился. Лидия повернулась к двери, но ещё один зевок сдержать не сумела. Она поспешно прикрыла рот ладонью. Поняв, что Эдмунд заметил, Лидия машинально извинилась и сказала, что зевать перед хозяином кажется ей невежливым.

— Почему за усталость нужно извиняться? — спросил он.

Лидия открыла рот и обнаружила, что ответа у неё нет. «Не знаю. Наверное, привычка».

— Закройте за собой дверь, мисс Уорд.

Она кивнула и вышла, подхватив корзину, оставленную в коридоре. Последний камин Лидия действительно проверила. Только убедившись, что заслонка в порядке, она вернулась на чердак. Оказавшись в комнате, Лидия даже не знала, когда Марта успела лечь.

Чулки по-прежнему оставались влажными. Лидия стянула их возле кровати и развесила на спинке стула, затем обнаружила на подоле рабочего платья полосу грязи, которую умудрилась где-то собрать в западном коридоре. Марта уже спала, закинув одну руку на лицо. Лидия подумала, не разбудить ли её исключительно ради того, чтобы пожаловаться на дождь, решила, что это будет жестоко, и ограничилась несколькими недобрыми словами о старых оконных рамах, переодеваясь в ночную рубашку. Эдмунд оставался в библиотеке ещё больше часа. Чай остыл. Он сделал один глоток, поставил чашку и велел рано утром оседлать ему лошадь, чтобы осмотреть размытую дорогу.

Свеча, фитиль которой Лидия подрезала, больше не капала воском в сторону карты. Подписав последнее письмо, Эдмунд погасил две ненужные лампы, и большая часть комнаты сразу погрузилась во тьму.

Глава 13

На второй день после того, как дождь прекратился, Эдмунд вышел из небольшой комнаты для совещаний в западной части дома вместе с управляющим поместьем и одним из клерков. Все трое продолжали обсуждать стоимость ремонта дороги. Дверь распахнулась ровно в тот момент, когда переполненная корзина с бельём ударилась о её край. Простыни и наволочки соскользнули сверху и рассыпались по полу. Корзина была переполнена потому, что Лидия решила избавить себя от второго похода. У подножия служебной лестницы мысль казалась разумной. На середине галереи, когда чистое бельё уже нависало перед лицом, а ручки корзины впивались в ладони, она начала подозревать, что второй поход всё-таки был бы лучше. Открывшаяся дверь окончательно это доказала.

Одна простыня упала так близко к сапогу клерка, что у Лидии всё внутри сжалось. Чистое хозяйственное бельё вообще не должно было касаться пола коридора, тем более валяться под ногами джентльменов, выходявших с совещания. Она принялась собирать первые вещи со скоростью человека, уже слышащего в воображении вопрос миссис Белл: почему теперь всю эту партию нужно снова отправлять в прачечную? Управляющий наклонился, будто собираясь помочь, но остановился, когда Лидия так резко замотала головой, что чепец съехал набок. Разрешить управляющему поместьем ползать по коридору и собирать вместе с горничной простыни было бы для неё ещё унижительнее, чем сам несчастный случай.

Когда корзина снова стояла ровно, руки Лидии уже ныли от напряжения. Она удобнее прижала ногу к бедру и мысленно пообещала себе в следующий раз сходить дважды. Обещание продержалось ровно до следующей недели, когда Лидия снова решила, что одна переполненная корзина всё-таки эффективнее двух подъёмов по лестнице. Осознав, кто именно вышел из комнаты, она на секунду застыла. Лицо сразу покраснело. Лидия поставила корзину, присела собирать бельё и начала извиняться ещё до того, как кто-нибудь успел что-то сказать.

— Не спешите, — сказал Эдмунд.

Он также выставил руку, останавливая клерка, который собирался сделать шаг вперёд. «Осторожнее с бельём». Наволочка, которую Лидия только что запихнула обратно в корзину, снова выскользнула. Когда она наклонилась за ней, рабочее платье, ставшее мягким от многих стирок, плотнее легло по талии и бёдрам, а завязки фартука натянулись за спиной.

Бельё, коснувшееся пола галереи, требовалось проверить, прежде чем стелить в гостевых комнатах. Лидия знала это даже в тот момент, когда торопливо всё собирала. Потом она отнесла всю корзину обратно в бельевую, где Агнес осмотрела самые пострадавшие вещи и отправила два покрывала вниз на повторную стирку. Дополнительная работа уничтожила каждую минуту, которую Лидия надеялась сэкономить, переполнив корзину. Агнес не сказала: «Я же говорила». Её лицо прекрасно справилось без слов. До этого самыми яркими впечатлениями Эдмунда о Лидии оставались сажа на носу, перевязанная рука и ответы гостям, в которых честности было больше, чем светской гладкости. На этот раз его внимание на миг задержалось совсем на другом. Всего на миг.

Он повернулся к клерку и попросил повторить последнюю цифру. Перчатки в руке Эдмунда переместились из одной ладони в другую. Лидия наконец закрепила последнюю простыню и подняла голову, совершенно ничего не заметив. Она снова извинилась за то, что перегородила проход.

— Дверь открывалась изнутри. Вы не могли её увидеть, — сказал Эдмунд.

Кажется, это её успокоило. Лидия подняла корзину, отошла в сторону и исчезла в служебном коридоре. Обе группы почти сразу разошлись. Эдмунд продолжил обсуждать с управляющим цены на камень. До кабинета он остановился только один раз, уже на повороте, чтобы

велеть кому-нибудь заново нанести на карту обрушившийся участок дороги. К ужину Лидия рассказывала Марте об этом происшествии как об обычном позоре дня. Услышав, что целая корзина простыней свалилась прямо к ногам герцога, Марта так рассмеялась, что едва удержала ложку.

— Он тебя ругал?

— Нет. Велел остальным не наступать на бельё.

Через минуту девушки уже спорили из-за последней запечённой картофелины, и неловкость в галерее успела отойти на второй план.

На другом конце дома Эдмунд в кабинете утверждал контракт на ремонт дороги. На третьей странице его перо остановилось рядом с цифрой, которую он уже проверял. Без всякой причины в памяти снова возникла Лидия, наклонившаяся за бельём. Он ещё раз прочитал строку, сверил сумму и сделал пометку на полях. На остальных страницах перо больше не задерживалось. Подписав договор, Эдмунд закрыл папку.

Глава 14

В следующие дни дел в поместье не стало меньше. Леди Беатрис прислала ещё одно длинное письмо. В первой половине она спрашивала, откроют ли главный дом для гостей на Рождество. Во второй несколькими абзацами кружила вокруг всё той же темы, к которой возвращалась постоянно: Эдмунду сорок два, прямого наследника у него нет, и намерен ли он вечно заставлять всю семью считать Адриана будущим владельцем титула или когда-нибудь всё-таки согласится снова жениться? Добравшись до рассуждений о повторном браке, Эдмунд сложил письмо и первым делом занялся двумя куда более практичными договорами аренды. После обеда пришло известие: часть пограничной стены в северном лесу обрушилась. Он немедленно выехал и вернулся лишь после наступления темноты.

Обвал оказался серьёзнее, чем следовало из сообщения. Дожди размягчили склон позади стены, камни выдавило на дорогу, а в ограде образовалась брешь, достаточно широкая, чтобы скот мог свободно уйти. Почти два часа Эдмунд вместе с управляющим и каменщиком решал, какой участок можно восстановить на старом фундаменте, а какой сначала придётся разобрать полностью. Пришёл арендатор с соседнего поля, обеспокоенный коровами. Другой мужчина хотел знать, смогут ли телеги пользоваться дорогой до рыночного дня. Пока ответы получили все, дневной свет уже истончился, а температура резко упала.

Обратно Эдмунд ехал под холодным дождём, который постепенно пропитывал плечи пальто. Тепло в вестибюле Рейвенсмира оказалось таким резким, что защищало лицо. Лакей забрал мокрые перчатки, камердинер отправился за сухой одеждой, а стопка корреспонденции ждала ровно там, где Эдмунд оставил её утром. Письмо леди Беатрис лежало среди прочих. Сначала он открыл две записки по делам поместья, подписал одно разрешение на ремонт и лишь затем снова посмотрел на абзац, в котором тётка спрашивала о браке так, словно супружество было очередным участком стены, который непременно следовало восстановить до зимы. Эдмунд сложил страницу и отложил в сторону. Некоторые решения было легко принимать, когда перед глазами лежали цифры, а под сапогами была земля. Другие не становились проще только потому, что прошли годы.

Казалось бы, подобные дни должны были стереть из памяти то краткое физическое впечатление в галерее. И всё же, когда где-нибудь вдалеке по коридору проходило чёрное рабочее платье, Эдмунд ловил себя на том, что прежде всего узнаёт не платье, а саму девушку. Вечер заняла совсем иная арифметика. Смета каменщика на северную стену оказалась выше ожидаемой, зато на южный дренаж ушло меньше камня, чем закладывали в бюджет. Эдмунд перенёс деньги с одной статьи ремонта на другую, утвердил временное ограждение для поля со скотом и отправил управляющему записку: пока стена не станет безопасной, рыночные телеги могут пользоваться восточной дорогой. Работа занимала руки и почти всё внимание. Оставалась лишь небольшая часть сознания — именно та, которую в последние дни он старался не подпитывать.

Окончательно убедиться, что тот взгляд в галерее не был пустой случайностью, ему пришлось однажды ночью. В город Эдмунд не ездил почти две недели. Записки Вивьен и Хелены по-прежнему лежали в ящике. Умывшись перед сном, он лёг, собираясь справиться с обычной телесной потребностью так же, как делал раньше. Но когда дыхание стало глубже, в памяти сам собой всплыл образ: белое бельё, рассыпанное по полу, затем линия талии Лидии, когда платье натянулось при наклоне, и румянец на ушах, когда она подняла голову, чтобы извиниться. Его рука на полсекунды остановилась.

Сорокадвухлетний мужчина не впадает в панику лишь потому, что в его мыслях появилась привлекательная женщина. Сложность была в другом. Этой женщине двадцать. Её жало-

ванье каждый месяц проходило строкой в хозяйственных счетах Рейвенсмира. Всякий раз, увидев его, она отходила в сторону и ждала, пока он пройдет первым. Осознание этого не заставило тело мгновенно забыть собственную реакцию, и Эдмунд не стал притворяться, будто желания не существует. Закончив, он вымыл руки в тазу. Прохладная вода стекала по костяшкам пальцев. Лицо в зеркале выглядело точно так же, как всегда. На следующее утро ещё до шести он уже ехал верхом на юг. Вернулся почти к обеду. В вестибюле ходили люди, и из галереи появилась Лидия с кувшином для воды, которым пользовались, меняя цветы.

Их взгляды встретились. Она присела в реверансе. Он поздоровался, как обычно. Когда Лидия наклонилась поправить кувшин, Эдмунд перевёл глаза к окну прежде, чем вид рабочего платья успел вызвать в памяти прошлую ночь. Лидия ничего не заметила. Ей только показалось, что сегодня его светлость ушёл немного быстрее обычного. Затем она снова занялась цветами. Один стебель слева оказался слишком высоким. Лидия подрезала его, поставила обратно, отошла на два шага, оценила композицию и, оставшись довольной, унесла старые цветы.

Глава 15

Как только Эдмунд начал сознательно следить за тем, куда смотрит, стало очевидно ещё кое-что. В его присутствии Лидия была одним человеком, а среди прислуги — совсем другим. Рядом с хозяином дома она автоматически выпрямляла спину и ждала, пока первым заговорит он. Во дворе, в бельевой или возле конюшен могла стоять с рулоном ткани в руках и десять минут спорить с ровесниками о том, стоит ли коробка сладостей лишнего пенни.

В полдень она снова целиком возвращалась в свой, более молодой мир. Конюхи входили, пахнув кожей и холодным воздухом; кухонные девушки сравнивали, у кого сильнее болят ноги; Марта успевала узнать, кто с кем поссорился, ещё прежде, чем Лидия слышала, что вообще была ссора. Кто-то заговорил об осенней ярмарке в деревне, и два дня в комнате для прислуги не прекращался спор о том, были ли прошлогодние музыканты великолепны или невыносимы. В прошлом году Лидия пропустила ярмарку из-за дежурства. В этом хотела пойти, если миссис Белл отпустит её после обеда.

Её планы были настолько скромны, что помещались в несколько монет. Лидия хотела купить что-нибудь жаренное в сахаре, возможно, ленту — если найдётся достаточно дешёвая и такая, которую не жалко будет носить на работе, — и оставить столько денег, чтобы потом не пожалеть о том, что вообще открыла кошелёк. Когда молодой конюх предложил выиграть ей что-нибудь в одной из ярмарочных палаток, Лидия спросила, что будет, если он проиграет там все деньги. Он заявил, что на галантный жест так отвечать не полагается. Лидия заметила, что галантность, похоже, дорого обходится.

С теми, кого можно было без последствий толкнуть плечом, она смеялась куда легче. Перебывала их. Забывала проверить, ровно ли сидит чепец. Иногда усаживалась на край рабочего стола, пока ела, и приходилось вставать, когда стол действительно кому-нибудь требовался. Но стоило в дверях появиться старшему слуге или члену семьи, всё это оставалось позади. Перемена происходила слишком быстро, чтобы быть сознательной. Четыре года в большом доме научили Лидию точно чувствовать, сколько места она имеет право занимать в каждой его части. Однажды утром молодой конюх прошёл мимо с вычищенной сбруей и в шутку спросил, не присвоила ли Лидия снова весь оставшийся на кухне десерт.

Лидия остановилась с двумя рулонами новой ткани в руках и тут же потребовала объяснить, почему во всём Рейвенсмире любое сладкое автоматически записывают на её счёт. Марта, стоявшая рядом, немедленно её предала. «Ты вчера сама спрашивала, останется ли сегодня ещё». Конюх расхохотался так, что сбруя едва не выскользнула из рук. Он предложил принести Лидии сладости в следующий раз, когда кто-нибудь поедет в деревню.

Первым делом Лидия спросила, не купит ли он неправильный вкус. Мелочь неожиданно превратилась в оживлённый спор между ними. Эдмунд спускался по противоположной лестнице, когда впервые услышал смех. Повернув на стыке галерей, он увидел Лидию со слегка сбившимся чепцом. Рядом с молодым человеком, которому было чуть за двадцать, её плечи оставались расслабленными. Голос звучал ярче. Никакого «ваша светлость» через каждую вторую фразу, никакого постоянного внимания к тому, не стоит ли она у кого-нибудь на пути. Заметив Эдмунда, Лидия отошла в сторону ещё до того, как улыбка окончательно исчезла с лица. Они обменялись приветствиями. Он не остановился.

Управляющий помещьем уже ждал в кабинете. Две цифры в вчерашнем договоре аренды требовали повторной проверки. Эдмунд велел начать с третьего пункта. Время от времени со двора доносились голоса, хотя через стекло слов разобрать уже было нельзя. В следующие несколько дней, если не возникало настоящей необходимости, Эдмунд не просил специально позвать Лидию в кабинет и не придумывал мелких причин задержать её там. Никто не вмеши-

вался в то, с кем она разговаривала во дворе или где проводила обеденный перерыв. Рейвенсмир был достаточно велик, чтобы за целый день они могли увидеть друг друга всего один раз, да и то издалека. Лидия заметила лишь, что наверху стала встречать его реже.

Почему — она не спрашивала и своей жизни из-за этого не меняла. Однажды после обеда кухарка дала ей ещё один маленький кусок пирога. Лидия вынесла тарелку во двор. Тот самый конюх как раз вышел из конюшни, и они коротко поспорили, яблочная начинка в пироге или грушевая. Окна второго этажа главного дома были закрыты. За одним из них Эдмунд встречался с клерком Уитмора по поводу семейного документа, который предстояло рассмотреть на следующий день.

Глава 16

Чарльз Уитмор прибыл в Рейвенсмир с двумя тяжёлыми кожаными портфелями. После обеда он сразу направился в кабинет, где они с Эдмундом начали с продления нескольких старых договоров аренды, а затем перешли к имуществу, находившемуся под управлением траста Харкорттов. Вскоре стол разделился на три стопки: документы, которые Эдмунд мог подписать немедленно; те, по которым требовались дополнительные сведения; и бумаги, которым придётся ждать возвращения Адриана.

Адриану Харкарту было тридцать пять. Он приходился Эдмунду двоюродным братом и в настоящий момент считался предполагаемым наследником. После смерти Джулиана семейные дела, которые раньше никогда не передали бы боковому родственнику, постепенно начали проходить через руки Адриана. Уитмор перелистнул последние страницы описи траста и заметил, что Адриан управляет с южными владениями стабильнее, чем ожидалось. Две фермы, три года подряд приносившие убытки, наконец вышли хотя бы в ноль. Когда Адриан вернётся в следующем месяце, стоит снова просмотреть и несколько документов о наследовании. Эдмунд без колебаний согласился. Постоянные предложения леди Беатрис о повторном браке оставались совсем другим вопросом.

Тем не менее Уитмор продолжил разбирать бумаги о наследовании. Если Эдмунд умрёт, не оставив другого прямого наследника, Адриан получит титул и основные земли, связанные майоратом. С более мелкими трастами всё обстояло сложнее. Одни перейдут вместе с поместьем, другими можно распорядиться отдельно, а в нескольких старых соглашениях до сих пор сохранялись формулировки, написанные ещё при жизни Джулиана. После его смерти эти страницы пришлось менять. Уитмор занимался этим и тогда — тихо, без лишних слов утешения, которые Эдмунд не имел ни малейшего желания слушать.

Спустя годы документы стали достаточно обыденными, чтобы лежать под договорами аренды и счетами за дренаж, хотя некоторые имена, произнесённые вслух, по-прежнему меняли воздух в комнате. Уитмор никогда не задерживался на Джулиане. Он просто перевернул страницу, отметил пункты, которые впоследствии потребуется просмотреть Адриану, и пошёл дальше. За это Эдмунд его ценил. Практические доводы в пользу нового брака были очевидны. Титул, земли и весь штат, связанный с ними, продолжают существовать и после Эдмунда. Леди Беатрис никогда не требовалось объяснять ему арифметику. Её ошибка заключалась в убеждении, будто арифметика делает сам шаг простым. Эдмунд уже был женат. Уже создавал семью. То, что закон умел описать наследование аккуратными абзацами, никогда не превращало новую попытку начать всё заново в простую административную поправку.

Уитмор достал из внутреннего кармана одного из портфелей два письма и с улыбкой объяснил, что леди Беатрис дошла до того, что спросила его, нет ли в действующем законодательстве положения, способного обязать герцога жениться ради продолжения наследования.

— Я сказал ей, что, существуй такой закон, вряд ли я узнал бы о нём только сегодня.

Старый поверенный снял очки и начал протирать стекла. Эдмунд наконец улыбнулся. «У неё слишком много свободного времени». Они снова вернулись к бумагам и работали до сумерек, после чего Уитмор удалился в гостевую комнату. Следом вошла миссис Белл со списком зимних гостевых комнат. Они обсудили пологи кроватей, уголь и бельё. Уже собираясь закрыть блокнот, экономка услышала вопрос Эдмунда: когда мисс Уорд поступила на службу в Рейвенсмир?

Миссис Белл заметно задержалась с ответом, но всё же ответила. Чуть больше четырёх лет назад. Лидии было шестнадцать. Её рекомендовала местная женщина, бравшая бельё в

стирку. Отец умер, мать жива, есть младший брат. Часть жалованья Лидия регулярно отправляет домой.

— Она помолвлена?

Теперь миссис Белл по-настоящему подняла на него взгляд.

— О помолвке в хозяйстве никогда не сообщали. И ни один мужчина официально не приходил сюда просить её руки.

Через мгновение она добавила: «Она молода, ваша светлость, но не из тех девушек, которые примут слова хозяина за шутку». Эдмунд не стал объяснять своих намерений. Миссис Белл не спросила. Когда она ушла со списком гостевых комнат, он подтянул к себе чистый лист бумаги. На нём записал всего несколько пунктов: прежние работодатели семьи Уорд, домашние обстоятельства и наличие какой-либо не объявленной помолвки. Управляющему поместьем Эдмунд поручил проверить лишь то, что можно установить открыто. Никаких личных писем не читать и самой Лидии ничего не сообщать.

Когда записку унесли, бумаги о наследовании, оставленные Уитмором после дневной работы, по-прежнему лежали на углу стола. На одной странице рядом с описанием земель и обязанностей по трасту, которые однажды могли перейти к нему, значилось имя Адриана. Эдмунд закрыл папку и положил поверх стопки, чтобы продолжить утром.

Глава 17

Письмо от матери принесли в бельевую незадолго до обеда. Почерк Лидия узнала сразу. Руки замедлились над наволочкой, которую она складывала. Марта дважды посмотрела на неё, а затем просто забрала оставшуюся стопку.

— Хватит паяльаться на конверт во время работы. Наволочки не отрастят ноги и не убегут, если ты оставишь их в покое на пять минут.

После обеденного перерыва Лидия вернулась на чердак и открыла письмо. Мать, как часто бывало, начала с самых обычных вещей. Крыша всё ещё протекала. Джордж в последнее время подрабатывал переноской товаров и жаловался на боль в спине. Древняя курица за домом каким-то чудом до сих пор несла яйца. Всё это заставляло Лидию улыбаться. А затем, примерно на середине страницы, она увидела имя Натаниэля. Старый управляющий из дома Вейлов недавно вернулся в город. Натаниэль по-прежнему находился на юге и помогал дяде управлять несколькими владениями. Самое раннее, когда он мог бы надолго вернуться на север, — следующая весна. Мать почти между делом упомянула ещё и то, что встретила на рынке миссис Вейл, а та спросила, служит ли Лидия всё ещё в Рейвенсмире.

Бумага медленно выгнулась под пальцами Лидии. Первым воспоминанием оказался швейный короб, который она опрокинула, когда ей было двенадцать. Катушки ниток и пуговицы раскатились во все стороны. Другие дети засмеялись, но Натаниэль, только что пришедший от конюшен, присел и успел поймать одну катушку прежде, чем она укатилась в канаву. Он не позволял ей называть себя мистером Вейлом. Настаивал: Натаниэль. В другой раз на кухне приготовили поднос медовых сладостей. Он украл две, одну съел сам, а вторую сунул Лидии в ладонь. Она хотела сохранить её до дома. К тому времени сладость намертво прилипла к бумаге. Лидия отдирала её по кусочку и всё равно съела. В последний раз она видела Натаниэля в пятнадцать лет.

Это было в старом саду за домом Вейлов. На следующее утро Натаниэль уезжал на юг. Лидия пришла лишь отнести ткань, которую переделывала мать, и собиралась только увидеть его издалека, но он сам подозвал её. Сказал, что может не вернуться несколько лет. А потом добавил: если однажды ему наконец позволят самому решать, как жить, и если к тому времени она всё ещё будет его хотеть, ей следует приехать и найти его. Кольца не было. Никакой официальной договорённости тоже. Потом умер отец Лидии. Денег в доме Уордов стало гораздо меньше. В шестнадцать она поступила на службу в Рейвенсмир. И всё же та фраза из старого сада так никогда до конца и не исчезла.

Оставались и другие воспоминания — слишком обыкновенные, чтобы со временем превратиться в истории. Однажды Натаниэль ждал возле прачечной, пока мать Лидии закончит работу, потому что хотел показать Лидии жеребёнка, родившегося тем утром. Другим летом дал ей почитать маленькую книжку приключений из детской Вейлов и пришёл в ужас, когда она вернула её с загнутым уголком после того, как прятала под платьем во время дождя. Лидия два дня держала страницу под матрасом, чтобы распрямить, и лишь потом отдала книгу. Он смеялся, что она обращается с дешёвой книжкой, будто с фамильным серебром; Лидия ответила, что для неё она дешёвой не была.

Первые месяцы после его отъезда они действительно писали друг другу. Его письма приходили редко, были полны незнакомых названий мест и жалоб на дядины счета. Лидия о себе рассказывала меньше: ей казалось, что в Рейвенсмире не происходит ничего достаточно важного, чтобы писать об этом на юг. Потом промежутки стали длиннее. Проходил сезон. Позже целый год иногда пересекало всего одно письмо, переданное через знакомых семьи. Никто из них официально не завершал то, что официально никогда и не начиналось.

Коробка с деньгами Лидии постепенно взяла на себя роль, с которой письма уже не справлялись. Каждая новая монета заставляла давнее обещание казаться всё ещё ведущим куда-то. Сначала она накопила на дорогу, потом решила, что понадобится ещё — на случай, если ответ в конце этой дороги окажется не тем, которого она ждала. Добавила деньги на несколько ночей в гостинице, затем стоимость обратного пути, а потом ещё достаточно, чтобы не пришлось соглашаться на первую попавшуюся работу лишь потому, что кошелек пуст. Копить она начала ради возможности добраться до Натаниэля. Со временем эти же накопления превратились и в средство пережить его, если всё окажется иначе. Шаги за дверь чердачной комнаты вернули Лидию к настоящему.

Она сложила письмо. Из самого дальнего угла прикроватного шкафчика достала маленькую деревянную коробку и пересчитала жалованье и чаевые, которые откладывала годами. Среди монет лежала серебряная монета Вивьен. Когда Марта вернулась и увидела деньги, разложенные по кровати, первым делом спросила, не понадобились ли семье Лидии снова средства.

— Нет.

Лидия замешкалась, а затем призналась, что в письме упоминали человека, которого она знала раньше. Марте хватило одного взгляда на румянец, поднявшийся к ушам Лидии, чтобы сразу догадаться: речь о мужчине. Следом она потребовала рассказать, были ли они помолвлены. Лидия покачала головой. Ничего никогда не было решено. Перед отъездом Натаниэль лишь сказал ей кое-что.

— Ты всё ещё хочешь поехать к нему? — спросила Марта, присаживаясь на край кровати.

Лидия не ответила сразу. Она сложила самые мелкие монеты в аккуратные стопки.

— Когда-то он мне очень нравился. Прошло столько времени, что я уже не знаю, тот ли он человек, которого я помню.

Она помолчала и закрыла коробку.

— Но если я когда-нибудь всё-таки поеду, я не могу приехать совсем без денег. А если он забыл? Тогда придётся самой возвращаться. Или искать другую работу.

Марта некоторое время разглядывала её. «Ты гораздо больше всё обдумываешь, чем кажется по твоему виду». В неё тут же полетела маленькая подушка. Они всё ещё возились и смеялись, когда снизу кто-то позвал. Лидия убрала письмо под коробку с деньгами, заперла её и снова спрятала маленький ключ за вырезом платья.

Глава 18

Сведения, которые принёс управляющий поместьем, оказались короче, чем ожидал Эдмунд. Обстоятельства семьи Уорд в основном совпадали с рассказом миссис Белл. Отец Лидии умер несколько лет назад. Мать зарабатывала шитьём. Младший брат перебивался службой физической работой. До поступления в Рейвенсмир в шестнадцать лет Лидия лишь недолго прислуживала в нескольких местных семьях. Долгов у неё не было. Официальной помолвки — тоже. Имя Натаниэля Вейла появилось на второй странице.

Двадцать четыре года. Второй сын семьи Вейл. Не женат. Несколько лет провёл на юге, помогая дяде управлять имуществом. Миссис Уорд когда-то шила для дома Вейлов, благодаря чему семьи и познакомились. Соседи помнили, что в детстве Лидия часто бывала в их доме, однако никаких свидетельств официальной помолвки не существовало. Эдмунд дочитал страницу и на этом прекратил проверку. Зато немного дольше задержался над записями о жалованье Лидии в Рейвенсмире: сумма, с которой она начинала, два последующих повышения и доля, которую регулярно отправляли домой. Куда уходило остальное, хозяйственные книги, разумеется, не сообщали.

После обеда он запросил счета по содержанию Хоторн-Лодж. Небольшой двухэтажный дом находился недалеко от основной усадьбы. За прошедшие годы там время от времени останавливались родственники, однако последние почти двенадцать месяцев дом пустовал, если не считать регулярной уборки.

По описи это был вполне удобный дом для небольшой семьи и довольно скромный по меркам Рейвенсмира: три основные спальни, гостиная, столовая, маленький кабинет, помещения для прислуги в задней части, конюшня на пару экипажных лошадей и сад, слегка одичавший вдоль восточной дорожки. Крыша была исправна. Двум окнам требовались новые рамы. Кухонную плиту осматривали весной, но перед зимой её следовало снова прочистить. Эдмунд прочитал каждую строку, потому что предложение дома теряло смысл, если женщина, которая в него въедет, первую неделю будет ждать, пока дым перестанет идти обратно через трубу.

Он уточнил годовую стоимость кухарки и горничной, затем добавил оплату периодических работ садовника и помощь с экипажем. С одеждой пришлось думать дольше. Эдмунд не собирался выбирать платья за Лидию и тем более не хотел, чтобы кто-нибудь преподнёс ей готовый гардероб так, словно её саму обставляли вместе с домом. Следовательно, содержание должно было быть достаточно большим, чтобы выбор оставался за ней. Сначала он увеличил сумму, сравнив её с тем, сколько Вивьен обычно тратила на одежду за один сезон, а затем снова уменьшил, поняв, насколько нелепо использовать Вивьен как меру обычных расходов любого человека.

Последняя страница в каком-то смысле напоминала хозяйственный счёт. Так и было задумано. Эдмунд понимал: причиной предложения было желание, но не хотел, чтобы все удобства исчезли в тот же момент, когда исчезнет его интерес. Дом, слуги и содержание сами по себе могли сделать уход достаточно трудным. Отдельная выплата, предусмотренная в конце отношений, казалась ему куда важнее мебели, предоставленной в начале.

Добравшись до миссис Уорд и Джорджа, он не стал включать помощь семье в личное содержание Лидии. Для этого оставил отдельную строку: если Лидия захочет продолжать поддерживать их, сумму она определит сама, а Рейвенсмир сможет напрямую организовать перевод. Затем Эдмунд обвёл цифру окончательной выплаты, которую она должна была получить после завершения отношений, ещё раз убедившись, что эти деньги никак не связаны с тем, что будет получать её семья. Когда он дошёл до вопроса о том, как именно сделать предло-

жение, перо остановилось. Если передать дело дворецкому или поверенному, двадцатилетняя горничная может услышать всё так, будто соглашение уже решили за неё. Жалованье, кров и питание Лидии зависели от Рейвенсмира. С её места отказать мужчине и отказать собственному работодателю едва ли ощущалось как два совершенно отдельных поступка.

К вечеру Эдмунд решил не посылать третьего человека. Он велел лакею передать Лидии, что хочет видеть её в кабинете после окончания дневной работы. Спешить не нужно, и предварительно идти к миссис Белл тоже. Прежде чем лакей успел уйти, Эдмунд добавил ещё одно указание.

— Скажите только, что я хочу с ней поговорить. Ни слова о Хоторне. Ни слова об условиях.

Материалы о семье Уорд отправились в самый нижний ящик стола. Страница с расчётами по Хоторну осталась рядом, под пустой папкой.

Глава 19

Лакей нашёл Лидию на коленях у гостевой кровати: она заправляла последний угол простыни под матрас. Услышав, что его светлость хочет её видеть, Лидия тут же стиснула в пальцах край белья и смяла его. В сообщении отдельно говорилось, что торопиться нет необходимости. В результате оставшуюся комнату она закончила даже тщательнее обычного. Поправила кувшин с водой, ровно раздвинула шторы и даже вытерла участок пыли, который в иной день оставила бы до завтра. Когда Лидия встала перед дверью кабинета, звонок к ужину уже прозвучал. Прежде чем постучать, она опустила взгляд и проверила фартук и чепец. Эдмунд не заставил её продолжать гадать. Первым делом он сказал, что к её работе претензий нет.

Плечи Лидии заметно расслабились. Лишь тогда он предложил ей сесть за стол. На лежавшей перед ней странице сильнее всего выделялись слова «ХОТОРН-ЛОДЖ». Прочитав несколько строк, Лидия решила, что её хотят перевести туда экономкой. Она даже совершенно серьёзно спросила, собираются ли снова заселить дом. Эдмунд некоторое время молчал, а затем объяснил смысл прямо. Речь шла не о новой должности. Она оставит домашнюю службу и переедет в Хоторн-Лодж. У неё будут кухарка и горничная. Все расходы по дому возьмёт на себя Рейвенсмир. А Эдмунд хотел, чтобы Лидия стала его содержанкой. Несколько секунд она вообще никак не отреагировала. Потом смысл последнего слова наконец дошёл до неё, и краска почти на глазах поднялась от основания шеи к лицу.

Ей было двадцать. Она прекрасно знала, кто такая содержанка. Видела Вивьен и Хелену в Рейвенсмире. Просто никогда не представляла себя в той же категории. Первые вопросы оказались сугубо практическими: о доме, содержании и о том, что случится, когда договорённость закончится. Лидия говорила почти так, словно слушала условия чрезвычайно странного нового места службы.

Но стоило ей начать спрашивать, вопросы посыпались один за другим. Сможет ли она по-прежнему ездить в Уэстбридж, когда матери понадобится помощь? Будет ли Рейвенсмир решать, какую часть содержания она отправляет домой? Если она купит что-нибудь на эти деньги, будет ли вещь действительно принадлежать ей? От неё ожидают, что она станет принимать гостей в Хоторне? Все в доме узнают, почему она там живёт? И если через полгода или год Эдмунд перестанет приезжать, сколько времени ей дадут на то, чтобы покинуть дом?

Эдмунд отвечал в том же порядке. Семью навещать она сможет. После выплаты содержание станет её деньгами. Хозяйство не будет диктовать, что ей на них покупать. Использовать Хоторн для официальных приёмов он не намерен. Слуги и соседи не слепы и сами сделают выводы о характере их отношений, но никаких объявлений не будет. Если всё закончится, Лидии дадут время решить, где она хочет жить дальше, а не выставят за дверь с упакованным сундуком.

Последний ответ особенно задержал её внимание. До Рейвенсмира Лидия уже меняла места и знала, насколько быстро кровать, связанная с работой, перестаёт быть твоей в тот момент, когда заканчивается сама работа. Она спросила, получит ли обещанную отдельную сумму, если уйти захочет именно она. Эдмунд ответил: да. Он не стал спрашивать, почему это важно. Сам вопрос уже всё объяснял: Лидия искала выход из соглашения, в которое ещё даже не вошла. Эдмунд не рассмеялся. И не уклонился от возможности того, что отношения однажды закончатся. Все практические пункты он объяснял прямо.

Услышав, что мать и брат смогут и дальше получать те деньги, которые Лидия уже отправляла домой, она сразу подняла голову. Эдмунд успел уточнить раньше её вопроса: помощь семье не станет способом склонить её к согласию. Но дальше всего Лидия задумалась над другим заявлением. Она может отказать. Если откажет, на следующее утро её жалованье,

кровать и место службы останутся точно такими же. Напряжение на её лице ослабло сильнее, чем после любого упоминания о доме или деньгах.

— Почему я? — наконец спросила она.

Эдмунд не стал отвечать окольными словами.

— Потому что я вас хочу.

Лицо Лидии покраснело так быстро, что он спокойнее добавил: она уже некоторое время привлекает его физически. Никакой другой причины, которую следовало бы приукрашивать ради неё, нет. Лидия посмотрела на шторы, на каминную решётку, на одну ножку стола — куда угодно, только не на него. В конце концов взгляд остановился на собственных руках. Прошло много времени, прежде чем она снова подняла голову.

— Я не могу согласиться.

А затем, словно испугавшись, что он не расслышал, повторила:

— Простите, ваша светлость. Не могу.

Эдмунд не потянулся к звонку. Его лицо не стало холоднее.

— Вам не за что извиняться.

Он спросил, связан ли её отказ с другим человеком. Вопрос не был попыткой вытянуть имя силой. Однако после долгой паузы Лидия вспомнила коробку с деньгами, письмо матери и обещание, данное когда-то в старом саду.

— Я всегда думала, что однажды уйду из Рейвенсмира и отправлюсь искать одного человека.

Пальцы Эдмунда замерли рядом со страницей с расчётами Хоторна.

— Кого?

— Натаниэля Вейла.

Глава 20

После прозвучавшего имени в кабинете на некоторое время воцарилась тишина. Эдмунд уже видел имя Натаниэля Вейла в собранных сведениях. Теперь он слушал, как Лидия сама рассказывает об их прошлом. Помолвки никогда не было. Они не обменивались никаким знаком обещания. За прошедшие годы почти не переписывались. Осталось лишь то, что Натаниэль сказал перед отъездом с севера: когда он сможет сам решать, как ему жить, и если Лидия к тому времени всё ещё будет его хотеть, она может приехать и найти его.

— Вы знаете, чего он хочет сейчас? — ровно спросил Эдмунд.

Лидия покачала головой. «Нет. Поэтому я всегда думала, что однажды должна поехать и узнать сама. Если он забыл или больше меня не хочет, я смогу вернуться своими силами». Она посмотрела на свои руки. «Для этого я и коплю. Не хочу, чтобы дорога назад или следующая работа зависели от кого-то другого». Стоило ей упомянуть накопления, как взгляд резко поднялся: похоже, только сейчас Лидия задумалась, откуда Эдмунд вообще знает, что она откладывает деньги. Он сразу пояснил: миссис Белл сказала лишь, что Лидия мало тратит и регулярно отправляет часть жалованья домой. Никто не обыскивал её личные вещи, и никто не знает, сколько она накопила.

Плечи девушки снова расслабились. Затем она очень тихо спросила: «Если я откажусь, я всё равно продолжу работать здесь как обычно?» Эдмунд посмотрел на неё и наконец понял, чего она боялась с той самой минуты, как вошла в кабинет.

— Как обычно.

Он перевернул лист с условиями по Хоторну текстом вниз, оставив сверху чистую сторону.

— Миссис Белл ничего не узнает, если только вы сами не решите ей рассказать.

Эдмунд помолчал.

— И через несколько дней я не вызову вас снова, чтобы спросить ещё раз. Вы сказали нет. Я услышал. Если когда-нибудь передумаете, вы сами придёте ко мне.

Лидия несколько секунд всматривалась в него, словно проверяла, нет ли в словах скрытого смысла. Затем кивнула. Уже у двери остановилась и тихо поблагодарила за то, что он не рассердился.

— У меня нет причины сердиться, — ответил Эдмунд.

На следующее утро Лидия как обычно появилась в комнате для прислуги. Миссис Белл по-прежнему первым делом отправила её с бельём в западную часть дома. Марта по-прежнему хотела узнать, зачем накануне его светлость вызывал Лидию в кабинет. Обычная работа оказалась почти утешительной. Лидия собирала ключи, пересчитывала наволочки, спорила с Мартой, чья очередь нести более тяжёлую корзину, и двадцать минут пыталась убрать пятно воска с маленького столика. Никто не смотрел на неё иначе, потому что никто не знал, что произошло. Эта неизменность делала вчерашний разговор удивительно личным. Герцог предложил ей дом, деньги и свою постель; за завтраком кухарка всё равно велела отойти, потому что Лидия загромождала хлеб.

Слово «содержанка» возвращалось в самые неудобные минуты. Возникало, когда она встряхивала простыню. Возникло вместе с воспоминанием о тёмно-красном платье Хелены и пониманием, что когда-то Лидия видела, как та направляется к покоям Эдмунда, и уделила этому всего несколько секунд. Вивьен занимала Восточное крыло с тремя сундуками, драгоценностями стоимостью в несколько месяцев жалованья и личной горничной, прекрасно понимавшей своё положение. У Лидии был один деревянный сундук, а чулки она до сих пор што-

пала, вместо того чтобы заранее покупать новые. Категория казалась слишком широкой, чтобы вместить сразу всех троих женщин.

Во время дневного перерыва Марта ещё дважды пыталась выяснить, чего хотел Эдмунд. В итоге Лидия честно сказала, что ей кое-что предложили и она отказалась. Глаза Марты расширились. Прежде чем она успела потребовать подробностей, Лидия добавила, что это личное, и спросила, не забыла ли Марта о трёх конфетах, которые всё ещё ей должна. Смена темы была совершенно бесстыдной. Сработала она только потому, что Марта достаточно возмутилась обвинением и тут же начала спорить. Завтрака Лидию никто не лишил. Кровать у неё не исчезла. Перед обедом, проходя мимо кабинета, она встретила лакея с подносом чая. Тот кивнул ей совершенно так же, как всегда. Лидия продолжила нести бельё. Только войдя в пустую гостевую комнату и начав застилать кровать, она без предупреждения вспомнила вчерашние слова. Моя содержанка.

Рука на миг замерла на белой простыне. Затем Лидия опустила взгляд и решительно заправила последний угол под матрас. В кабинете Эдмунд сложил лист с условиями Хоторна по старой складке и убрал в самый нижний ящик стола. Дерево тихо стукнуло, когда ящик закрылся. Он подтянул к себе первый договор аренды за день, открыл на отмеченной странице и без новой паузы поставил перо к бумаге.

Глава 21

По-настоящему всё изменилось после того, как мать Лидии получила травму. Однажды после обеда в Рейвенсмир пришло письмо из Уэстбриджа. Лидия вместе с другой горничной убирала пустующую гостевую комнату и стояла на стуле, сметая пыль с верхней части полога, когда из дверей позвали её по имени. Сначала она решила, что миссис Белл снова поменяла задания на день. Потом увидела тонкий конверт. Мать редко писала в середине месяца. Печать была прижата наспех; один угол даже не приклеился как следует, а на лицевой стороне тянулось размазанное чернильное пятно, будто кто-то провёл по нему рукой.

Лидия слишком быстро соскочила со стула, чуть не зацепилась туфлей за подол и вынуждена была схватиться за столбик кровати, чтобы удержаться равновесие. Другая горничная увидела, что пальцы Лидии уже лежат на печати, и молча забрала у неё щётку и тряпку.

— Читай.

Первая часть действительно была написана рукой миссис Уорд, хотя буквы получились более неровными, чем обычно. Она сообщала о несчастном случае и сразу велела Лидии не паниковать. Городской врач уже приходил. К третьему абзацу почерк сменился. Их соседка миссис Тёрнер продолжила письмо, потому что миссис Уорд было слишком больно держать перо. Несчастье произошло возле склада. Миссис Уорд принесла переделанные рабочие куртки как раз в тот момент, когда разгружали телегу. Одна из лошадей резко шарахнулась в сторону, груз сдвинулся. Стопка деревянных ящиков опрокинулась, и один из них упал поперёк её левой ноги.

Область вокруг колена почти сразу распухла. Нижняя часть ноги лежала под неправильным углом. Городской врач наложил шину и дал лекарство от боли. Он считал, что ногу удастся сохранить, но сам не хотел браться за правильное вправление. Миссис Уорд как можно скорее должен был осмотреть хирург из графства. Если затянуть, никто не мог сказать, насколько хорошо она вообще сможет ходить в будущем. Лидия села на край кровати. До последней строки она дочитала лишь потом поняв, что почти не дышала. Плата хирургу. Дорога. Лекарства. Несколько месяцев, в течение которых мать не сможет шить. Обычные расходы на жизнь во время восстановления. Всё это помещалось в нескольких тесных абзацах.

Лидия перечитала письмо, затем полезла за вырез платья за ключом от деревянной коробки с деньгами. Годами она делила заработок очень тщательно. Сначала откладывала то, что требовалось отправить домой. На обычные расходы оставляла совсем немного. Нижний слой накоплений в коробке почти не трогала. Эти деньги предназначались для дня, когда она, возможно, поедет на юг искать Натаниэля, — и для обратной дороги, если окажется, что он больше её не ждёт. Теперь такое различие перестало иметь значение. Лидия высыпала монеты и сложенные банкноты на покрывало, оставила себе только самый минимум на ежедневные расходы, а всё остальное снова завернула.

Даже опустошив коробку, она продолжила искать, что ещё можно превратить в деньги. Открыла деревянный сундук и посмотрела на немногие вещи, полностью принадлежавшие ей: хорошее воскресное платье, два старых рабочих, зимнюю шаль, сапоги, которые уже однажды переставляли на новую подошву, и тонкую серебряную цепочку, когда-то подаренную матерью. Рядом с платой хирургу всё это выглядело почти ничего не стоящим. Только цепочка могла принести больше горсти монет, да и это было лишь предположение.

Лидия взяла клочок бумаги и начала выписывать цифры. Нынешнее жалованье. Три месяца вперёд, если миссис Белл разрешит. То, что уже лежало в коробке. Сколько Джордж может заработать, если работа на складе останется регулярной. Потом она зачеркнула сумму Джорджа. Его деньги и без того шли на еду для дома; если посчитать их дважды, больше они

не станут. К возвращению Марты Лидия сложила всё столько раз, что неизменность итоговой суммы казалась почти оскорбительной. Марта застала её рядом с кроватью, усыпанной монетами, с покрасневшими глазами. Никаких глупостей она не сказала. Просто села рядом и помогла пересчитать деньги по достоинству. К концу обе знали: суммы и близко не хватает.

Лидия отнесла всё миссис Белл и попросила в тот же день перевести деньги в Уэстбридж через контору поместья. Затем сразу попросила максимальную сумму жалованья вперёд, которую экономка могла утвердить без дополнительного разрешения. Миссис Белл уточнила только имя врача, адрес и обстоятельства несчастного случая. Она одобрила три месяца. Всё сверх этого выходило за пределы её полномочий и потребовало бы более высокого разрешения через контору поместья. Лидия поблагодарила. По-настоящему она заплакала лишь вечером, вернувшись на чердак. Сидя за маленьким столом, Лидия писала матери. Когда дошла до предложения: «Если станет хуже, сообщи мне сразу», слеза упала прямо на слово «сразу» и размыла чернила. Лидия посмотрела на пятно, оторвала страницу и начала заново.

Потом достала второй лист. Наверху написала всего одно имя. Натаниэль. Они очень давно не обменивались настоящими письмами. Но сейчас Лидия могла вспомнить совсем мало людей, у которых имелся бы быстрый доступ к сумме, превышающей несколько месяцев её жалованья. Красиво формулировать просьбу она не пыталась. Просто объяснила про несчастный случай, хирурга и точную сумму, которой не хватало. Последнее предложение было простым: ей нужно занять деньги на лечение матери, и она просит ответить как можно скорее. До рассвета следующего утра Лидия уже стояла вместе с Мартой возле заднего входа, ожидая мешок с исходящей почтой.

Конверт с именем Натаниэля исчез среди стопки корреспонденции поместья. Мешок туго завязали шнуром. Через несколько минут всадник покинул Рейвенсмир и растворился в утреннем тумане. Лидия смотрела на дорогу, пока не стих даже стук копыт, и только тогда вернулась внутрь к завтраку.

Глава 22

В следующие дни Лидия впервые узнала, насколько резко может реагировать на звук шагов человека, несущего письма. Кто-то вошёл в передний холл во время завтрака — она подняла голову. После обеда лакей направился к помещениям прислуги — Лидия остановилась посреди работы. Ожидание неожиданно сильно мешало самым обычным обязанностям. Дважды она выходила из комнаты, уверенная, что закончила, а потом возвращалась, потому что один кувшин оставался пустым или штора была раздвинута лишь наполовину. Чистые салфетки Лидия положила не на ту полку и несколько секунд смотрела на них, когда Марта указала на ошибку, не в силах вспомнить, что именно сделано не так. Никто её не ругал. От этого становилось ещё хуже. Лидия привыкла быть человеком, который умеет делать свою работу хорошо.

Марта незаметно взяла на себя задания, где требовалось помнить сразу несколько вещей, а Лидии оставляла то, что находилось прямо перед глазами: сложи это, отнеси то, сними бельё с этой кровати. Когда Лидия возмутилась, Марта сказала, что она сможет вернуть услугу в следующий раз, когда сама влюбится в почтовый мешок. Лидия заявила, что в почтовый мешок не влюблена. Через пять минут во дворе застучали копыта, и она так резко подняла голову, что Марта даже отвечать не стала. С первой доставкой пришли кухонные заказы. Во второй были образцы тканей. На третий день вообще ничего не прибыло. Первой пришла весть от матери. Отек немного уменьшился. Боль — нет. Городской врач по-прежнему считал, что первоначальную шину наложили плохо.

В тот же день после обеда Лидия снова пошла к миссис Белл и спросила, можно ли взять ещё денег в счёт будущего жалованья. Экономка развернула к ней книгу и показала предел. Три месяца — максимум, который миссис Белл имела право утвердить сама. Всё сверх этого должно пройти через контору поместья, а возможно, потребует отдельного разрешения самого Эдмунда. Лидия не сразу попросила подать такое прошение. Разговор в кабинете всего несколько дней назад был слишком свеж в памяти. Эдмунд сказал, что после её отказа не станет спрашивать снова. Она отказалась.

Если теперь Лидия сама войдёт в ту комнату, потому что ей нужны деньги, даже она не могла сказать, как будет выглядеть такое возвращение. Письмо Натаниэля наконец пришло на пятый день после обеда. Лидия собирала во дворе высохшие наволочки, когда мальчик-посыльный пробежал под аркой, выкрикивая её фамилию. Бельё едва не выскользнуло из рук. Конверт был толще обычного личного письма. Внутри лежала короткая записка и платёжный документ, выписанный агентом семьи Вейл. Сумма оказалась намного больше, чем Лидия ожидала.

Натаниэль не тратил страницы на утешения. После двух коротких строк он сообщил, что поручил агенту переслать почти все личные деньги, к которым мог получить немедленный доступ. Кроме того, написал отцу и дяде с просьбой помочь найти лучшего врача. Если потребуется ещё, он попытается получить средства в счёт дохода, который пока не был распределён. Ни разу он не написал: «Я всё исправлю». Лишь несколько раз попросил прислать дату визита хирурга, как только она станет известна.

К последней строке буквы уже расплывались перед глазами Лидии. Марта вышла из бельевой, успела подхватить корзину, начавшую выскальзывать у Лидии из рук, а затем увидела сумму на документе. Они стояли возле стены двора, а ветер заставлял письмо дрожать между пальцами Лидии. Наконец Марта сказала: «По крайней мере, он тебя не забыл».

— Нет. — Лидия вытерла глаза тыльной стороной ладони.

Что-то оставшееся от юности снова отзывалось через огромное расстояние. Но нынешнюю проблему это не отменяло. В тот же день Лидия через контору поместья распорядилась как можно скорее перевести деньги семье Уорд. Натаниэлю она написала снова, сообщив всё, что знала о хирурге. Через три дня пришли действительно плохие новости. Хирург графства осмотрел миссис Уорд и подтвердил, что участок возле колена был вправлен неправильно. Исправлять требовалось срочно. В Уэстбридже он мог оставаться ещё лишь три дня, после чего уезжал в другое графство минимум на две недели.

Первой суммы Натаниэля вместе с накоплениями Лидии хватало, чтобы задержать хирурга и оплатить часть лечения. Не хватало на новое вправление, лекарства, дорогу и несколько месяцев ухода после этого. Прежде чем снова просить жалованье вперёд, Лидия сама поехала в Уэстбридж. Миссис Белл без лишних вопросов дала ей полдня. Экипаж Рейвенсмира высадил её на старой улице рядом с семейным домом. Миссис Уорд лежала в постели. Левая нога была перебинтована от области под коленом до щиколотки, а недели боли лишили лицо почти всего цвета. Первым делом, увидев дочь в дверях, она спросила, не сердятся ли в поместье из-за того, что Лидия отпросилась.

— Нет.

Лидия села рядом и взяла мать за руку. Та была холоднее обычного. В комнате слабо пахло лекарствами. На столе стояла миска с недоеденным супом. На кухне Джордж тихо разговаривал с соседкой о деньгах. Миссис Уорд начала говорить, что если лечение слишком дорогое, возможно, стоит дождаться следующего хирурга. Лидия перебила почти сразу — с матерью она делала это редко.

— Ждать нельзя. Врач сказал, что кость стоит неправильно.

Миссис Уорд некоторое время смотрела на дочь и больше не спорила. Только спросила, откуда берутся деньги. Лидия рассказала о накоплениях, жалованье вперёд и средствах, которые прислал Натаниэль. О предложении Хоторна, от которого отказалась в кабинете Эдмунда, она не сказала ничего. Услышав имя Натаниэля, миссис Уорд замолчала. Наконец сжала руку дочери. «Он так далеко и всё равно сумел помочь настолько сильно. Это немало». Эти слова Лидия несла с собой всю обратную дорогу до Рейвенсмира. Натаниэль уже сделал всё, что мог, находясь на юге. У её матери оставалось три дня.

Когда экипаж проехал через ворота поместья, окна с той стороны главного дома, где находился кабинет, уже светились. Лидия смотрела на них через стекло, пока экипаж не повернул к заднему двору и они не исчезли из виду.

Глава 23

На следующее утро Лидия снова пошла к миссис Белл. На этот раз она не начала с просьбы о новом авансе. На одном листе аккуратно выписала полную сумму, которую требовал хирург, уже имеющиеся деньги и то, сколько по-прежнему не хватало. Туда же вошла самая скромная стоимость лекарств и ухода в постели на следующий месяц. Миссис Белл посмотрела на цифры и не стала смягчать ответ.

— Я не могу утвердить такую сумму.

Она открыла книгу на странице с пределом своих полномочий и повернула её так, чтобы Лидия видела, где заканчивается право подписи экономки.

— Я могу отправить за вас официальное прошение в контору поместья и описать обстоятельства. Но решать, будут ли деньги взяты с личного счёта его светлости или из средств поместья, не мне.

Лидия долго смотрела на последнюю строку. Затем забрала лист и спросила, сколько можно получить, если вперёд удержать жалованье за целый год. Даже этого всё равно не хватало. А если горничная отдаст целый год будущего заработка, потом ей нечего будет отправлять домой. До обеда Лидия даже выяснила, сколько сможет выручить за несколько старых платьев и тонкую серебряную цепочку, когда-то принадлежавшую её матери. Ответ был почти оскорбительно мал.

Она записала и это. Годовое жалованье выглядело решением только пока на странице существовала одна колонка. Стоило добавить жильё, еду, уголь, нерегулярный заработок Джорджа и сумму, которую мать обычно получала за шитьё, как под последующими месяцами разверзалась новая дыра. Спасти ногу, оставив дом вообще без средств к существованию, означало всего лишь передвинуть беду дальше по времени.

Лидия даже спросила швею, которая иногда приезжала в Рейвенсмир, сколько можно получить за почти новое дневное платье при продаже с рук. Цена оказалась настолько низкой, что Лидия решила, будто женщина не поняла, о каком именно платье речь. Та всё поняла. Одежда становилась дешёвой в тот момент, когда человеку действительно срочно требовались наличные. К середине дня Лидия успела узнать, что почти всё её имущество стоит гораздо меньше первоначальной цены и ещё меньше той суммы, которая была ей нужна. Марта нашла её на задней лестнице во время обеденного перерыва: Лидия в третий раз складывала всё те же три источника денег. Итог не изменился. Марта не спросила, любит ли она до сих пор Натаниэля. Только посмотрела на страницу и сказала: «Что ты будешь делать?» Лидия долго молчала.

— Думаю, придётся попросить Эдмунда.

Затем отчётливо добавила: «Сначала о займе. Или ещё одном авансе. Я не собираюсь идти туда и менять Хоторн на деньги». Марта кивнула. «Возьми письма. Матери и хирурга. Иначе начнёшь нервничать, встанешь перед ним и сумеешь сказать только, что денег нужно „очень много“». Лидия закончила всю оставшуюся работу того дня. Сменила воду, привела в порядок две неиспользуемые гостевые комнаты и помогла Агнес справиться с заевшим оконным засовом.

Когда всё было сделано, она вымыла руки в маленькой служебной комнате, поправила чепец и положила семейные письма — столько раз сложенные и разложенные, что сгибы стали мягкими — во внутренний карман фартука. У двери, отделявшей служебный коридор от главной части дома, Лидия один раз остановилась. Всего несколько дней назад она вышла из кабинета после обещания Эдмунда никогда больше не вызывать её, чтобы задать тот же вопрос. Теперь возвращалась по собственной воле. И причина была настолько очевидной, что притво-

риться, будто она просто передумала, не получилось бы. Возле кабинета никого не было. Лидия подняла руку и трижды постучала.

— Войдите.

Она открыла дверь и увидела Эдмунда с управляющим поместьем: они разбирали ремонт одного участка лесных владений. Лидия мгновенно остановилась. Она не ожидала, что в комнате будет кто-то ещё. Первым Эдмунд заметил письма в её руке. Он сразу закрыл документ.

— Завтра утром, — сказал управляющему.

Когда тот вышел и дверь снова закрылась, Эдмунд произнёс только: «Садитесь. Что случилось?» Этот вопрос полностью разрушил подготовленное вступление Лидии. Она рассказала о травме матери, деньгах Натаниэля, трёхдневном сроке хирурга и точной недостающей сумме. Слова вырвались одним непрерывным потоком. Лишь в самом конце Лидия протянула верхнее письмо.

Эдмунд не стал читать личную часть. Попросил показать строки врача. Ознакомившись с ними, задал первые практические вопросы. Какой город? Как зовут хирурга? Кто сейчас ухаживает за миссис Уорд? Лидия отвечала по одному. К тому моменту, когда она наконец сказала: «Я хотела спросить, можно ли получить ещё один аванс», Эдмунд уже потянулся к звонку.

— Сначала верните хирурга, — сказал он.

Глава 24

Следующие десять минут прошли так быстро, что Лидия едва успевала понимать происходящее. Управляющего немедленно снова вызвали в кабинет. Тут же отправили посыльного за доктором Мерсером. Эдмунд записал на листе Уэстбридж, имя хирурга и трёхдневный срок, после чего велел конторе гарантировать оплату всего лечения с его личного счёта. Если хирург уже начал собираться в дорогу, за ним следовало послать быстрого всадника и вернуть. Новое вправление ноги миссис Уорд, лекарства, последующие осмотры и несколько месяцев расходов на жизнь, пока она не сможет работать, требовалось вести отдельными строками. Семье Уорд не придётся перед каждым медицинским решением спрашивать, сколько денег осталось.

Управляющий уточнил всего два адреса и ушёл с распоряжениями и письменным разрешением. Затем Эдмунд велел приготовить лёгкий экипаж. Если доктор Мерсер решит, что в нынешнем доме миссис Уорд невозможно обеспечить нужный уход, её перевезут в более подходящее место, не дожидаясь ещё одного согласования. Нерегулярный заработок Джорджа не следовало учитывать в расчёте. Если ему придётся временно оставить работу, чтобы помогать матери, это тоже оплатят отдельно. Люди один за другим входили в кабинет и выходили. Наконец дверь снова закрылась. Лидия по-прежнему сидела на стуле.

Несколько секунд она буквально слышала, как последствия распоряжений Эдмунда расходятся по дому. Где-то за стенами прозвенел колокольчик. По вестибюлю быстро прошли сапоги. Кто-то позвал начальника конюшни. Другой голос повторил: Уэстбридж и имя хирурга. Та самая проблема, которую Лидия несколько дней таскала одна от бухгалтерской книги к бухгалтерской книге, теперь переходила из рук в руки между мужчинами, у которых были лошади, полномочия, счета и возможность отправлять распоряжения за пределы Рейвенсмира ещё до того, как она успела осмыслить первое.

Разница в масштабе тревожила почти так же сильно, как приносила облегчение. Три месяца жалованья казались огромной суммой, когда миссис Белл вписала аванс в хозяйственную книгу. Эдмунд разрешил потратить в несколько раз больше, даже не спросив, сможет ли семья Уорд когда-нибудь всё вернуть. Абстрактно Лидия, конечно, знала, что у герцога есть деньги. Совсем другое — видеть, как деньги прямо перед ней превращаются в действия. Расстояние между их жизнями внезапно обрело измеримые величины. То, что несколько дней давило на Лидию целиком, за минуты было разбито на маршруты, врачей, платежи и экипажи, и от скорости происходящего она почти оцепенела. Где-то за окнами уже кричали, чтобы подвели лошадь. Лидия опустила взгляд на руки, лежавшие у неё на коленях.

Затем сказала: «Я соглашусь на то, что вы предлагали раньше». Эдмунд как раз переписывал имя хирурга для доктора Мерсера. Перо остановилось.

— Что?

— Хоторн-Лодж.

Лидия заставила себя поднять глаза. «Я перееду туда. Согласна». Она ожидала увидеть хотя бы какой-нибудь признак того, что он получил желаемое. Вместо этого последовала короткая тишина. Эдмунд отложил перо и подвинул разрешение на оплату к середине стола.

— Лечение вашей матери уже организуют.

Сначала Лидия не поняла.

— Если вы сейчас встанете и выйдете из этой комнаты, всадник всё равно поедет. Хирургу всё равно заплатят. Мерсер всё равно её осмотрит. — Его голос оставался ровным. — Это не имеет отношения к Хоторну.

Лидия уставилась на бумагу. Вскоре спросила, как ей вообще вернуть столько денег.

— Никак.

Она начала возражать.

— Я могу себе это позволить. Нога вашей матери не может позволить себе ждать.

Слёзы, которые Лидия сдерживала несколько дней, наконец потекли. Она быстро вытерла лицо, словно плакать в кабинете герцога было ещё одной разновидностью дурных манер. Эдмунд подвинул через стол носовой платок. Когда она немного пришла в себя, он приказал принести горячий бульон и хлеб, а миссис Белл передал, что Лидия на сегодня освобождена от работы. В сообщении указали только одну причину: семейное чрезвычайное обстоятельство.

— Я всё равно... — начала Лидия, сжимая платок и пытаясь вернуться к сказанному раньше.

— Сегодня не отвечайте.

Эдмунд посмотрел на усталость под её глазами.

— Съездите к матери. Сами поговорите с хирургом. Убедитесь, что деньги продолжают поступать и после того, как вы выйдете отсюда. Потом подумайте о Хоторне. Завтра. После-завтра. Когда угодно.

— Я уже думала об этом прошлой ночью...

Договорить не позволил стук копыт снаружи. Лидия повернулась к окну. Всадник уже мчался по аллее Рейвенсмира. Позади запрягали ещё один лёгкий экипаж. В кабинете она осталась достаточно долго, чтобы заставить себя съесть почти весь бульон. Когда уходила, Эдмунд больше ни разу не произнёс слово «содержанка». Не спросил и о том, когда она вернётся с ответом. Лидия вышла в коридор, всё ещё сжимая его платок, и только внизу поняла, что забыла вернуть. Доктор Мерсер отправился в Уэстбридж тем же вечером. На следующее утро из дома Уордов пришла торопливая записка.

Хирург графства вернулся. Повторное вправление назначили на тот же день после обеда. Все расходы были подтверждены. Никто не потребовал от семьи сначала найти следующий платёж, прежде чем начать лечение. Лидия прочитала записку много раз. Когда сложила её в последний раз, Хоторн-Лодж и нога матери больше не лежали на одной стороне внутреннего счёта.

Глава 25

На второй день после повторного вправления ноги миссис Уорд Лидия снова поехала в Уэстбридж. Мать по-прежнему мучилась от боли, но часть напряжения уже ушла с её лица. Люди доктора Мерсера оставили лекарства и чёткие указания по их приёму и покою. У Джорджа даже появилась таблица, и он с торжественной серьёзностью отмечал каждую дозу. Хирург сказал, что восстановление будет медленным. Возможно, миссис Уорд навсегда останется слегка прихрамывать. Но опасное неправильное положение исправили. Если бы затянули ещё, последствия были бы гораздо тяжелее. Лидия оставалась у кровати до середины дня. Мать не знала подробностей соглашения о Хоторне. Знала лишь, что Эдмунд заплатил очень много денег.

Впервые миссис Уорд всерьёз спросила дочь, почему герцог сделал столько для семьи одной горничной. Лидия долго молчала.

— Раньше он предложил мне другую жизнь, — наконец сказала она. — Тогда я отказалась. На этот раз он всё равно сначала отправил врача. Сказал, что лечение никак не связано с тем, что я решу.

Миссис Уорд посмотрела на неё. Через некоторое время спросила лишь: «Теперь, когда деньги уже уплачены, ты всё равно хочешь пойти?» Этот вопрос сопровождал Лидию всю дорогу из кабинета, но теперь, когда трёхдневная срочность исчезла, ответ больше не казался вынужденным. Она опустила взгляд и разгладила складку на краю материнского одеяла. Первый раз Лидия отказала Эдмунду потому, что всегда считала: ей следует продолжать ждать Натаниэля. И потому, что описанное Эдмундом соглашение находилось настолько далеко за пределами первых двадцати лет её жизни, что она едва могла представить себя в такой жизни. Но прошлой ночью, вернувшись на чердак, она снова обдумала этот вопрос.

Если у матери теперь есть хирург, деньги возвращать не нужно и Эдмунд не уволит Лидию за отказ — действительно ли единственное, чего она хочет, это вернуться к прежней жизни горничной и оставить всё будущее привязанным к обещанию четырёхлетней давности? Ответ оказался куда менее уверенным, чем она ожидала. Мать не спешила заполнять паузу. Миссис Уорд спросила, боится ли Лидия Эдмунда. Та вспомнила кабинет, первый отказ и то, что он позволил ей уйти, не отняв место службы. Ответила: нет. Смущается — конечно. Нервничает настолько, что даже воспоминание о слове «содержанка» заставляет лицо теплеть. Но страх был не первым чувством, возникавшим при мысли о нём.

Прошлой ночью на чердаке Лидия проверяла решение не романтикой, а самыми обыкновенными вещами. Смотрела на рабочее платье на крючке, деревянную коробку с деньгами под кроватью, умывальник, которым делила с Мартой, и узкую полоску пола, принадлежавшую ей лишь пока никому больше не требовалось пройти. Хоторн означал другую кровать, другую одежду, деньги, которые ей никогда не пришлось зарабатывать скребком или тяжёлыми корзинами, и мужчину, входящего в эту новую жизнь потому, что она согласилась его впустить. Сексуальная часть по-прежнему оставалась самой трудной для воображения. Сравнить было не с чем. И всё же мысль навсегда вернуться к прежнему распорядку только потому, что он знаком, теперь казалась теснее, чем неделю назад.

Вернувшись в Рейвенсмир тем вечером, Лидия поужинала и впервые за долгое время проспала всю ночь. Следующее утро работала как обычно до полудня. Миссис Белл спросила о матери, и Лидия пересказала слова хирурга. О том, что собирается снова пойти в кабинет, она не упомянула. Только полностью закончив дневную работу, вымыла руки, сняла запylённый фартук и одна прошла в главную часть дома. На этот раз Эдмунд не начал с вопроса о миссис Уорд. Накануне вечером он уже получил отчёт Мерсера и знал, что процедура прошла хорошо.

Лидия села на тот же стул. Никаких семейных писем с собой не принесла. Никаких счетов. Вообще ничего не держала в руках.

— Я решила, — сказала она.

Эдмунд не стал отвечать за неё. Просто ждал. Уши Лидии постепенно потеплели, но взгляд она не опустила.

— Если бы вчера вы сказали, что я должна обменять Хоторн на деньги, я бы не согласилась. После того как вы сказали, что не должна, я вернулась и снова всё обдумала.

Она помолчала, переставляя слова в голове.

— Я всегда думала, что однажды обязана поехать и найти Натаниэля. Мы сказали это много лет назад. Я продолжала копить деньги, будто пока коплю, то будущее всё ещё где-то меня ждёт.

Пальцы чуть сильнее сжали ткань юбки.

— Потом появился вы. И постепенно всё стало другим.

Лицо Эдмунда оставалось спокойным. Лидия продолжила. В этот раз Натаниэль очень ей помог. Она этого не забудет. Вернёт столько, сколько разумно сможет. Но больше не хочет сводить всё своё будущее к словам «когда он вернётся». К чему однажды приведут её отношения с Эдмундом, она тоже не знала.

— Лечение матери теперь не относится к решению, — сказала Лидия. — И я всё равно хочу попробовать.

Она тихо вдохнула.

— В прошлый раз вы сказали, что соглашение может закончиться. Я это тоже помню. И всё равно готова переехать в Хоторн.

Эдмунд долго смотрел на неё. Затем ещё раз перечислил основные условия. Она оставит домашнюю службу. Получит собственное содержание и сама будет распоряжаться повседневными делами в доме. Лечение матери не будет вычитаться из её денег. Если отношения закончатся, у Лидии всё равно останется достаточно, чтобы устроить жизнь в другом месте. Когда Эдмунд будет приезжать в Хоторн, он будет приходить в её постель — но если в любой момент Лидия ясно скажет остановиться, он остановится. Она выслушала каждое условие. Теперь они уже не звучали как описание новой должности экономки. В конце Эдмунд спросил: «Вы по-прежнему этого хотите?»

— Да.

На этот раз ответ не сопровождали слёзы. Не было и хирурга, который через три дня должен уехать. Лишь тогда Эдмунд открыл ящик и достал бумаги по Хоторну, которые убрал туда раньше. Положил перед ней. Лидия увидела старую линию сгиба на одном углу и медленно разгладила лист ладонью.

Тем же вечером миссис Белл получила официальное уведомление: мисс Уорд покидает службу в доме Рейвенсмир и переезжает в Хоторн-Лодж. Жалованье ей выплатят до конца недели. Личные вещи она может собрать в удобном для себя темпе.

Причина в уведомлении не указывалась. Экономка прочитала, несколько секунд посмотрела на Лидию, а затем начала уточнять последний рабочий день, возврат форменной одежды, невыплаченное жалованье и какие личные вещи Лидия хочет отправить экипажем поместья. Где-то посреди этого практического списка Лидия осознала: уже послезавтра её утро больше не будет начинаться по звонкам для прислуги. Она опустила взгляд на лист расчёта в руках, на короткий миг прижала кончик пальца к собственному имени, затем сложила бумагу и убрала в карман фартука.

Глава 26

В первое утро в Хоторн-Лодж Лидия проснулась ещё до рассвета. В комнате стояла такая тишина, что первой мыслью было: она проспала. Лидия мгновенно села в кровати — а потом вспомнила, что здесь нет звонка миссис Белл и ряда гостевых комнат, где нужно успеть сменить воду прежде, чем проснутся их жильцы. Старые привычки сработали быстрее, чем она успела вспомнить, что теперь всё иначе. Встав, Лидия расправила покрывало, взбила подушки и даже аккуратно сложила ночную рубашку, которую носила всего несколько часов, на спинке стула. Она уже заправляла один угол постели, когда вошла Клара с горячей водой. Увидев, сколько уже сделано, горничная остановилась в дверях.

— Мисс Уорд, теперь это моя работа.

Клара поставила воду на умывальник. В её голосе не было упрёка — только констатация.

— Иначе выходит, что его светлость платит мне за то, чтобы я стояла рядом, пока вы доделываете мою работу.

Лидия посмотрела на ровно заправленный угол. По-прежнему было странно позволять кому-то другому застилать кровать, в которой спала она сама. То же ощущение повторялось всё утро. Завтрак накрыли на одного человека, однако на столе стояли яйца, хлеб, фрукты и варенье. Лидия забрела на кухню и попыталась помочь что-то нарезать, но кухарка вежливо выпроводила её обратно. Увидев, как Клара несёт бельё, Лидия машинально протянула руку к одной стороне корзины, и Клара даже отодвинула её за спину прежде, чем Лидия успела взяться.

В Рейвенсмире полчаса сидения считались отдыхом. В Хоторне никто не приходил дать Лидии следующее поручение. Она прочитала дюжину страниц путевой книги в маленькой гостиной, один раз обошла сад, вернулась в дом и обнаружила, что до обеда ещё далеко. Внезапно день показался слишком длинным: Лидия просто не знала, чем заполнить столько свободного времени. После обеда в Хоторн переслали письмо от матери.

Часть проблемы Клара в конце концов решила, показав, где в доме вообще что находится. В Хоторне был бельевой шкаф, содержимое которого Лидия не обязана была пересчитывать, кладовая, откуда она, по всей видимости, могла просить всё необходимое, небольшой запирающийся шкафчик для хозяйственных денег и три спальни, хотя использовалась только одна. Лидия следовала за Кларой с сосредоточенностью новой служанки, изучающей место, так что той дважды пришлось напомнить: запоминать точное число запасных простыней на каждой полке не требуется.

Сам дом был достаточно маленьким, чтобы Лидия слышала, как люди передвигаются, вместо того чтобы звать их звонками. Кухарка раньше служила у пожилой родственницы Харкорт и к попыткам Лидии проникнуть на кухню относилась одновременно с весельем и подозрением. Садовник приходил лишь в определённые дни. Конюх и кучер делились между Хоторном и большим поместьем. Клара спала наверху в комнате меньше Лидиной и, похоже, была совершенно этим довольна.

Самым странным оказалось, что теперь вопросы задавали ей. Какой хлеб она предпочитает? Нужно ли разжигать огонь в гостиной до завтрака? Оставить голубую комнату закрытой или регулярно проветривать? Годами Лидия отвечала на вопросы о чужих предпочтениях. Когда кухарка впервые спросила, не любит ли она лук, Лидия едва не сказала, что это неважно, прежде чем вспомнила: в этом доме ответ, по всей видимости, имеет право быть важным. После повторного вправления ноги восстановление миссис Уорд шло в правильную сторону. Хирург считал, что лёгкая хромота может остаться навсегда, однако способность ходить само-

стоятельно она, скорее всего, сохранит. Человек доктора Мерсера уже тоже приезжал. Лекарства и дальнейшие осмотры были организованы.

Лидия прочитала письмо дважды. Постепенно напряжение ушло из плеч. Затем она села писать ответ. Добравшись до части о себе, после предложения «Я больше не служу горничной в Рейвенсмире» она надолго остановила перо. В конце концов написала лишь, что его светлость устроил её на время в Хоторн-Лодж, что ей удобно и что о деньгах матери больше беспокоиться не нужно. Почему — не объяснила. Эдмунд приехал ближе к вечеру. Лидия всё ещё сидела у окна и писала вторую страницу. На боку одного пальца осталась полоса чернил, которой она не заметила.

Он увидел её почти сразу и указал. Лидия посмотрела на руку и совершенно серьёзно сказала: «По крайней мере, на этот раз не на носу». Она рассказала последние новости о матери, а затем пожаловалась, что за один день её уже трижды остановили, когда она пыталась что-нибудь сделать. Эдмунд лишь спросил, хочет ли она что-то изменить в саду. Лидия моргнула. Ответ пришёл мгновенно.

— Дорожка с восточной стороны после дождя превращается в грязь. И возле задней стены есть пустая земля. Если посадить там травы, кухарка сможет ими пользоваться.

На следующее утро пришёл садовник измерять дорожку. Лидия простояла рядом всё время, затем присела, показала место, где сильнее всего собирается вода, и попросила добавить туда немного больше гравия.

Глава 27

Как только мать смогла дольше сидеть, Лидия снова поехала в Уэстбридж. Она представляла, будто жизнь в Хоторне просто означает, что теперь она находится немного дальше от дома. Только садясь в экипаж Хоторна, Лидия поняла, насколько заметной стала перемена. В прежние выходные она ходила до города пешком и приходила с пылью, въевшейся в подошвы туфель. Теперь экипаж остановился прямо у конца старой улицы, а кучер спросил, во сколько забрать её вечером. Миссис Уорд уже могла осторожно положить повреждённую ногу на скамеечку.

Первым делом Лидия всё равно осмотрела колено и спросила, болит ли оно, просыпается ли мать ночью от боли и изменился ли отёк. Наконец миссис Уорд рассмеялась и сказала, что дочь каким-то образом стала докучливее врача. Джордж из соседней комнаты пожаловался, что Лидия ежедневно задаёт ему те же вопросы. Куда больше его интересовал экипаж. Он дважды подходил к окну посмотреть и спросил, будет ли кучер всё время ждать снаружи. Когда Лидия объяснила, что он вернётся к назначенному часу, Джордж впечатлился так сильно, что ей стало неуютно. Экипаж принадлежит Рейвенсмиру, напомнила она. За одну неделю у Лидии внезапно не появились собственные лошади.

Позже, когда миссис Уорд уснула, Лидия дошла до угловой лавки за чаем и мылом. Старая улица выглядела точно так же, но Лидия слишком остро ощущала новое платье на своём теле и знание, что за ней вернётся экипаж Рейвенсмира. Соседка, знавшая её с детства, спросила, не повысили ли Лидию. Та ответила, что больше не работает в главном доме, и ускользнула прежде, чем последовал второй вопрос. К лавке она уже решила: объяснять Хоторн каждому отдельно, вероятно, хуже, чем позволить людям придумать собственную версию.

Она купила то же дешёвое мыло, которым всегда пользовалась мать. По дороге назад прошла мимо витрины с булочками в сахаре, замешкалась и купила четыре вместо одной. Джордж съел свою раньше, чем Лидия успела снять перчатки. Миссис Уорд оставила половину на потом. Эта маленькая роскошь порадовала Лидию сильнее, чем экипаж. Вскоре они уже говорили о соседях, ценах на овощи и о том, какая пекарня недавно подорожала, а не о медицинских счетах. Разумеется, мать заметила перемену в одежде Лидии. Новое платье было мягче и хорошо сидело. Даже вечно потрескавшаяся кожа на руках начала заживать.

Лидия сказала лишь, что теперь живёт в Хоторне, больше не работает горничной и что его светлость устроил для неё другую жизнь. Миссис Уорд несколько секунд всматривалась в дочь, словно собиралась спросить больше. Но усталость победила первой. Она снова легла, и подробный разговор пришлось отложить. Всю дорогу обратно Лидия думала о другом письме, которое нужно написать. Вернувшись в Хоторн, она долго сидела в маленьком кабинете, прежде чем начать. Сначала сообщила Натаниэлю, что записала каждую часть присланных им денег, что мать теперь в стабильном состоянии и что, когда ему будет удобно, он должен сказать, как организовать возврат.

Потом настала более трудная часть. Она покинула службу в доме Рейвенсмир. Приняла покровительство герцога Рейвенсмир. Живёт в Хоторн-Лодж. И больше не поедет на юг искать Натаниэля согласно старому плану. Слово «покровительство» казалось слишком неопределённым. Лидия и сама это понимала. Но всякий раз, когда пыталась написать на странице «содержанка», перо останавливалось. В конце она добавила под текстом одно предложение. «Я приняла это соглашение по собственной воле. Тебе больше не нужно меня ждать».

Первая капля сургуча упала криво. Клара стояла рядом, но не предложила исправить и не спросила, кто такой Натаниэль. Лидия дождалась, пока сургуч остынет, сама подписала

конверт и на следующее утро отправила его на юг вместе с деловой корреспонденцией Рейвенсмира.

После обеда приехала портниха. Старые рабочие платья Лидии выбирали по прочности и тому, насколько удобно в них нагибаться, носить воду и скрести поверхности, не боясь разорвать ткань. Теперь, когда сантиметровая лента правильно проходила по плечам, груди и талии, Лидия становилась всё напряжённее с каждой минутой. Наконец портниха велела ей перестать задерживать дыхание, иначе готовые платья заставят её падать в обморок. Клара стояла рядом, разбирая образцы тканей, а её плечи подозрительно подрагивали.

Когда пришло время выбирать материал, рука Лидии первым делом потянулась к самому практичному тёмно-коричневому. Клара молча убрала образец обратно.

— Вы больше не чистите камин, мисс Уорд.

Они спорили об этом несколько минут. В итоге оставили серо-голубую ткань, мягкую винно-красную и светлую — для платья, достаточно удобного для обычных прогулок. Лидия настояла, чтобы у всех были по-настоящему глубокие карманы. Когда вечером приехал Эдмунд, он посмотрел на образцы и спросил лишь, сама ли Лидия выбрала цвета. Услышав, что Клара отвергла тёмно-коричневый, он перевёл взгляд на Лидию.

— Где именно вы собираетесь так сильно пачкаться?

Лидия совершенно серьёзно подумала.

— На кухне.

Клара у двери наконец рассмеялась вслух.

Глава 28

В начале третьей недели Лидия искала бумагу для письма в маленьком кабинете, открыла не тот ящик и нашла хозяйственную книгу Хоторн-Лодж. В еженедельных расходах значились хлеб, мясо, уголь, свечи, стирка, использование экипажа и мелкий ремонт. Лидия собиралась лишь бегло просмотреть пару страниц стоя. Очень скоро она уже сидела, а о бумаге для письма забыла. Первым делом обвела фрукты. На прошлой неделе привезли всего одну корзину, однако в счетах она появилась дважды. Через несколько страниц поставщик угля второй раз перенёс остаток долга с предыдущей недели в новую запись.

Когда Клара вошла с горячей водой, на столе уже лежали раскрытыми записи за три месяца, а Лидия хмурилась на стоимость свечей так, словно зима лично пыталась её обмануть. Настоящих ошибок оказалось всего две. Большинство цифр, которые Лидия считала «слишком высокими», объяснялись тем, что в голове она всё ещё рассчитывала расходы по жизни одной горничной.

Суммы начали выглядеть разумнее лишь после того, как Лидия стала прослеживать их по самому дому. Она спросила у кухарки, на сколько хватает мешка муки, и узнала, что ответ меняется в зависимости от того, ужинает ли Эдмунд в Хоторне. Выяснила, что питание слуг тоже идёт из кухонного счёта, даже если сама Лидия никогда не видит их трапез. Уголь обошелся дороже потому, что в нескольких комнатах нужно было поддерживать огонь, иначе сырость вьётся в стены. Стирка включала мыло, топливо, работу и перевозку, а грязные простыни не превращались в чистые магическим образом.

Первым желанием Лидии было сократить всё. Кухарка сопротивлялась с терпением человека, уже видевшего, как неопытные хозяева впервые обнаруживают существование зимы. Когда Лидия предложила покупать меньше масла, кухарка спросила, намерена ли мисс Уорд сама есть сухой хлеб или только заставит остальных. Лидия подумала и вычеркнула этот пункт из списка.

Но мелочи нашлись. Теперь при доставке фруктов количество следовало подтверждать подписью у двери, а не принимать по памяти. Наполовину прогоревшие свечи из гостиной можно было использовать в задних коридорах, а не выбрасывать. Садовник согласился, что кухонные травы вдоль стены почти не потребуют расходов, когда приживутся. Ни одна из этих экономий не меняла счета Хоторна радикально. Лидии всё равно нравилось их находить. Впервые на цифру в хозяйственной книге можно было повлиять собственным решением, а не просто принять её как цену, названную кем-то другим. Клара напомнила, что после наступления темноты дому нужен свет, а кухне — топливо независимо от того, считает Лидия эти расходы чрезмерными или нет.

— Я всё равно думаю, что можно использовать меньше.

— Вы собираетесь сэкономить одну свечу, а потом упасть в темноте с лестницы?

Лидия нехотя перестала возражать против этой строки. Эдмунд приехал, когда обе женщины всё ещё склонились над книгой. Лидия забыла обо всём, что могла собираться сказать, и сразу подвинула к нему двойные записи. Он проверил, подтвердил ошибки, велел Кларе исправить их утром и вернул книгу Лидии.

— Мне разрешено это смотреть? — спросила она.

— Вы здесь живёте, — ответил Эдмунд. — Смотрите сколько хотите. Если понадобится настоящее решение, спросите Клару или управляющего.

В следующие несколько дней Лидия действительно начала следить, что покупает кухня, как часто выезжает экипаж и какие окна требуют ремонта. Когда садовник пришёл укладывать гравий на восточной дорожке, она простояла рядом достаточно долго, чтобы убедиться:

покрытие не поднимут так высоко, что дождевая вода пойдёт прямо на грядки. Тем вечером дождь лил без остановки. Эдмунд собирался приехать лишь на ужин, но в итоге велел приехать из Рейвенсмира несколько папок и продолжил работать в маленьком кабинете. Лидия сидела на другой стороне комнаты и штопала носовой платок. Сначала она постоянно поднимала взгляд просто потому, что рядом находился другой человек. Постепенно остались лишь тихие звуки пера и иглы.

Когда Лидия зажала нитку зубами, чтобы оборвать, Эдмунд произнёс, не поднимая головы:

— Ножницы рядом с вашей рукой.

Лидия посмотрела вниз. До них было меньше шести дюймов.

— Как вам удаётся вмешиваться даже в такую мелочь? — потребовала она объяснения.

Только тогда Эдмунд поднял взгляд. «Клара сказала, что у вас болит зуб». За дверью совершенно спокойно прошли чьи-то шаги, словно их обладатель ничего не слышал. Лидия устала на дверной проём и начала подозревать, сколько именно крошечных подробностей её жизни теперь кому-то докладывают. В конце концов разговор перешёл на мать. Эдмунд спросил, не хочет ли она как-нибудь остаться на ночь в Уэстбридже.

Первым ответом Лидии было: «Можно?» Услышав, что разумеется можно, она тут же поняла, о чём только что спросила. С момента переезда какая-то часть её всё ещё воспринимала Хоторн как очередное место, устроенное хозяином. Не задумываясь, Лидия предполагала, что для отъезда отсюда нужно разрешение.

— Вы сюда переехали, — сказал Эдмунд. — Вас здесь не заперли.

Он произнёс это настолько буднично, что спорить Лидии было не с чем. В книге экипажа она записала поездку в Уэстбридж на следующий день. Когда Эдмунд снова вернулся к бумагам, добавила: «Возможно, останусь до следующего дня после обеда».

— Как вам угодно.

Лишь тогда Лидия по-настоящему удовлетворённо кивнула и снова продела иглу сквозь ткань.

Глава 29

На четвёртой неделе Клара положила на стул в спальне Лидии два свежестырированных чёрных рабочих платья. Развернув свёрток, Лидия долго стояла и смотрела на них. Манжеты чинили уже не раз. На талии осталась короткая полоска стежков там, где когда-то дверная ручка зацепила и порвала ткань. За годы стирок материал стал мягким и почти истончился. Каждое утро Лидия надевала эти платья, едва бросив на них взгляд. Теперь, аккуратно сложенные рядом с рядом новых нарядов, они выглядели почти так, словно принадлежали кому-то другому.

— Отправить обратно в Рейвенсмир или оставить? — спросила Клара.

— Оставить.

Лидия ответила прежде, чем успела подумать.

— Зачем?

На это ответа не нашлось. Она сама снова завернула платья и положила их на самое дно шкафа. Над ними висели серо-голубое, светлое дневное и новое винно-красное. Граница между двумя частями её жизни выглядела почти смешно наглядной.

В тот вечер Лидия снова достала одно из старых платьев и приложила к себе перед зеркалом. Талия теперь сидела иначе: ей больше не приходилось каждый день наклоняться, поднимать тяжести и есть тогда, когда работа вдруг оставляла время. На одной манжете сохранилось светлое пятно там, где сильное мыло когда-то выело краску. Лидия могла точно вспомнить, в какую зиму зашивала разрыв возле кармана: Агнес тогда заболела, и три дня Лидия обслуживала дополнительные комнаты.

Клара застала её перед зеркалом и спросила, скучает ли она по работе. Лидия ответила, что скучает по знанию, чем именно должна заниматься каждый час. Это было другое. Она не скучала по углю. Не скучала по подъёмам до рассвета лишь потому, что кому-то могла понадобиться горячая вода. И уж точно не скучала по следам в ваннах после гостей, которые, похоже, искренне верили, будто вода снимает грязь с тела и каким-то чудом не оставляет её нигде больше.

Перед тем как убрать платье, Лидия сунула руку в старый карман фартука и нашла в шве одну затвердевшую сахарную ниточку. Вероятно, она осталась от сладостей Вивьен. Лидия рассмеялась вслух, вытащила её и выбросила. Клара спросила, что случилось. Лидия лишь сказала, что, оказывается, даже её старая одежда помнит, что для неё было важнее всего. За эти недели изменилось и её тело. Регулярная еда и нормальный сон вернули лицу цвет. Трещины на руках, оставленные годами холодной воды и чистящих средств, начали заживать. Волосы уже не пушились так сильно от того, что их весь день стягивали назад.

Но первой переменной Лидия заметила именно руки. Однажды после обеда, держа иглу, она вдруг поняла, что сгибать пальцы больше не больно.

— Эта жирная мазь и правда работает, — с величайшей серьёзностью сообщила она Кларе.

Ответа от Натаниэля всё ещё не было. Поначалу Лидия ежедневно спрашивала, не пришло ли ей письмо. Потом — раз в два-три дня. Юг находился далеко. Она говорила себе, что, возможно, письмо ещё не дошло. Возможно, ему просто нужно время. Старые письма по-прежнему лежали в нижнем ящике, но каждый день Лидия их уже не доставала. Однажды вечером Эдмунд приехал позже обычного. Лидия впервые надела серо-голубое платье. Как только она появилась в дверях, сразу заметила, что его взгляд задержался. Лидия посмотрела на себя. «Что-то не так?»

— Нет.

Через короткую паузу он добавил: «Я приехал в Хоторн, чтобы увидеть вас». Лидия совершенно не знала, что на это отвечать. Кончики ушей потеплели. Она резко повернулась к чайному подносу. Эдмунд не стал дальше её смущать. Спросил, как поправляется миссис Уорд, и Лидия сразу расслабилась. Мать теперь могла ненадолго вставать, держась за что-нибудь. Джордж ходил следом повсюду и отказывался позволять ей делать что-либо одной. Лидия без колебаний рассказала Эдмунду всё до мелочей.

После ужина он вернулся в Рейвенсмир, как делал все предыдущие недели. Лидия проводила его до двери и смотрела, как огни экипажа медленно исчезают вдаль. Наверху она повесила серо-голубое платье обратно в шкаф. Завёрнутые в бумагу рабочие платья тихо лежали на дне. Впервые обе версии её жизни оказались закрыты за одной дверью.

На следующее утро письма с юга по-прежнему не было. Лидия просмотрела корреспонденцию поместья, которую внесли в передний холл, вернула её, больше ничего не спрашивая, и лишь напомнила Кларе, что лекарство для матери нужно отправить с послеобеденным экипажем.

Глава 30

В день, когда исполнился ровно месяц её жизни в Хоторне, Лидия всё утро делала вид, будто занята сильнее, чем на самом деле. Она ответила на письмо матери, затем вышла вместе с Кларой проверить недавно уложенную садовую дорожку. Ночью шёл дождь, но гравий остался на месте и не смыло в клумбы. Вернувшись в дом, Лидия села у камина с книгой. За полчаса перевернула две страницы. После обеда наконец спросила, не присылал ли его светлость сообщение о том, что приедет сегодня. Клара ответила, что нет. Лидия кивнула и снова открыла страницу, которую всё это время притворялась читающей.

Клара позволила тишине продлиться до тех пор, пока Лидия снова не подняла глаза. Затем спросила, накрывать ли ужин в обычное время или позже. Лидия немедленно потребовала объяснить, зачем менять время. Клара сказала, что менять вовсе не обязательно. Этот ответ почему-то смутил Лидию сильнее, чем понимающая улыбка. Следующий час она искала себе ненужные занятия. Цветы в гостиной переставила дважды. Снова проверила садовую дорожку, хотя уже осматривала утром. Открыла хозяйственную книгу, три раза прочитала одну и ту же строку о расходах на уголь и наконец закрыла её, когда цифры упорно отказались становиться интересными. Когда-то в Рейвенсмире свободный час казался драгоценностью. Теперь в доме было достаточно тишины, чтобы Лидия слышала, как сама ждёт.

Перед тем как одеваться, она поднялась наверх и открыла шкаф. Старые чёрные рабочие платья по-прежнему лежали внизу. Серо-голубое казалось безопасным — его она уже надевала несколько раз. Рука прошла мимо и остановилась на винно-красном. Несколько секунд Лидия просто держала рукав и смотрела на цвет. Двухлетняя Лидия Уорд ещё никогда не владела платьем, выбранным отчасти потому, что мужчине могло понравиться видеть её в нём. От этой мысли она чувствовала себя одновременно тщеславной, глупой и неожиданно довольной.

Клара никак не прокомментировала выбор. Только принесла подходящую ленту и спросила, не поднять ли волосы выше. Лидия призналась, что понятия не имеет, как будет лучше. Клара ответила, что это очень удачно, потому что Лидия платит ей именно за то, чтобы это знать. Пока Клара занималась причёской, Лидия смотрела в зеркало на винно-красное платье и после неприлично долгих колебаний спросила: «Не выглядит так, будто я специально старалась?» Шпилька в руке Клары остановилась на одну секунду. «Вы специально стараетесь уже половину дня». Лидия мгновенно повернулась и сердито уставилась на неё. Ответ заставил Клару улыбнуться, а Лидия всё ещё пыталась придумать достойную реплику, когда снизу послышался стук колёс.

Через минуту Эдмунд вошёл, снимая перчатки на ходу через холл. Он поднял взгляд на Лидию, и руки на самое короткое мгновение остановились. Она собиралась притвориться, будто ничего не заметила. Когда его взгляд задержался слишком долго, сдалась.

— Что сегодня не так?

— Ничего.

Он снова посмотрел на неё. «Сегодня вечером вы очень красивы». Лидия тут же приписала заслугу платью и Кларе.

— Я сделал комплимент не платью.

После этого ей вообще нечего было сказать. Ужин прошёл вполне обыденно. Они говорили о ноге миссис Уорд, ограде на южных землях, которую размыло дождём, ещё одной папке от Уитмора и третьем вопросе леди Беатрис о том, устроит ли Рейвенсмир рождественский приём. Лидия долго смеялась, когда Эдмунд пожаловался, что письма тётки сложнее юридических документов. Излишнее напряжение, с которым она встретила его приезд, постепенно отпустило. Только после ужина вечер начал ощущаться иначе. Эдмунд, как обычно, сел с бума-

гами у огня. Чай обновили дважды. Никто не пришёл в холл забрать его пальто. Поначалу Лидия ничего не говорила. Просто снова и снова поглядывала на часы.

На третий раз Эдмунд произнёс, не поднимая глаз от страницы:

— Часы не сломались.

Лидия отвела взгляд. «Я вас не торопила». Чуть позже в холле послышались шаги. Клара прошла вместе с камердинером Эдмунда. Тот нёс небольшой тёмный кожаный саквояж и сразу направился наверх. Лидия проводила саквояж глазами до самой лестницы. Только когда шаги исчезли, снова повернулась к Эдмунду.

— Это ваше?

Он отложил документ.

— Да. Сегодня я остаюсь здесь на ночь.

То, что Лидия целый месяц знала как событие, которое однажды произойдёт, внезапно обрело настоящий вес. Пальцы сильнее сжали ткань юбки. В груди всё напряглось. Но она не хотела, чтобы саквояж унесли обратно вниз. Эдмунд к ней не приблизился.

— Если сегодня вы этого не хотите, я велю сейчас же убрать вещи.

Несколько секунд Лидия сидела со своим волнением, пытаясь отделить страх от отказа. Наконец покачала головой.

— Я не то чтобы не хочу. Просто...

Она опустила взгляд. «Я не знаю, что потом должна делать».

— Вам не нужно знать это заранее.

Лидия пробормотала, что ему, конечно, легко говорить. Он уже делал это раньше. В глазах Эдмунда наконец мелькнуло лёгкое веселье.

— Значит, по крайней мере один из нас знает, что делать.

Лидия покраснела, но спорить с этой логикой было раздражающе трудно. Она опустила голову и взяла чашку. И каким-то образом после этого они действительно снова заговорили о новой дорожке в саду. Огонь в камине успел прогореть ещё на один слой дров. В итоге Лидия сама посмотрела на часы, поставила чашку и встала.

— Я пойду наверх.

Эдмунд лишь кивнул. Лидия дошла до лестницы, положила руку на перила и один раз оглянулась. Он по-прежнему сидел там, где она его оставила. Сразу за ней не последовал. Лидия простояла так две секунды, а затем сама продолжила подниматься; винно-красная юбка ступень за ступенью исчезла за поворотом лестницы.

Глава 31

К тому времени, когда Клара вынула последнюю шпильку из волос Лидии, было уже поздно. Винно-красное платье убрали в шкаф, и спальня словно стала ещё тише; лишь изредка в камине негромко потрескивали дрова. Лидия переоделась в ночную сорочку и долго сидела перед туалетным столиком, глядя на собственное отражение. Ещё ничего даже не произошло, а кончики ушей горели у неё с самого ужина.

На маленьком столике возле кровати лежала плоская коробочка, которой Лидия раньше никогда не видела. Клара не стала подробно объяснять, лишь сказала, что Его Светлость распорядился всё приготовить и при необходимости сам знает, как этим пользоваться. Лидия поняла достаточно, чтобы тут же покраснеть ещё сильнее. Она коснулась уголка коробочки и мгновенно отдернула руку, словно та могла её обжечь.

— Мне нужно что-нибудь сделать? — наконец спросила она.

Клара на короткий миг остановилась, поправляя подушки. «Если чего-то не хотите, так и скажите». Она долила воду в стакан у кровати, проверила, чтобы шнур звонка был под рукой, и вышла. Когда дверь закрылась, Лидия прождала, как ей показалось, очень долго. Снизу не сразу слышались шаги, и от этого она почему-то нервничала ещё больше. В конце концов поднялась, подошла к окну, вернулась обратно. К тому моменту, когда на лестнице наконец раздалось движение, она столько раз перекрутила между пальцами пояс ночной сорочки, что ткань начала мяться.

Эдмунд остановился в нескольких шагах от двери. Парадный сюртук, в котором он был за ужином, он уже снял и остался лишь в рубашке и тёмных брюках; без привычных слоёв одежды, в которых Лидия видела его в Рейвенсмире, часть той дистанции, что обычно окружала хозяина большого поместья, словно исчезла. Сначала он посмотрел на то, как неестественно прямо она стоит, потом — на нетронутую коробочку у кровати. Он спросил, по-прежнему ли она хочет продолжить. Лидия кивнула и тут же поспешно добавила: «Мне просто немного страшно».

— Чего именно?

Она задумалась и ответила почти неловко в своей прямоте: «Я не знаю, насколько будет больно. И не знаю, если сделаю что-нибудь неправильно, не решите ли вы, что со мной слишком много хлопот». Подойдя ближе, Эдмунд первым делом взял её за руку. «Сегодня никто не принимает у вас экзамен». Лидия едва не рассмеялась, и часть напряжения ушла ещё до того, как произошло что-либо ещё.

Первый поцелуй оказался медленнее, чем она ожидала. Иногда Лидия видела молодых пар, целующихся в укромных углах, но никогда не знала, каково это, когда человек с опытом ждёт, пока её дыхание успеет за его, отступает, если она невольно отстраняется, и позволяет незнакомым прикосновениям к щеке, за ухом, вдоль шеи постепенно стать чем-то, что её тело способно принять. Сначала Лидия была напряжена до неподвижности и совершенно не знала, куда деть руки. Только когда Эдмунд сам положил их себе на плечи, у неё наконец появилось за что держаться.

Когда одежда слой за слоем исчезала, она всё равно напрягалась каждый раз, осознавая, что он её видит. Лидия потянулась к покрывалу, пытаясь прикрыться, но Эдмунд перехватил её руку и тихо сказал, что в этом нет необходимости. Его ладони скользили по её талии, спине, по коже, ставшей мягче за последние месяцы благодаря нормальной еде и уходу. Под его руками Лидия дрожала. Когда незнакомое удовольствие внезапно стало острее, у неё вырвался тихий звук, и она от неожиданности сразу прикусила губу.

Эдмунд коснулся пальцем уголка её рта и сказал, чтобы она не пыталась заглушить каждый звук. Лидия так сильно покраснела, что не могла на него смотреть, но больше не застав-

ляла себя молчать. После этого он двигался дальше, ориентируясь на реакцию её тела. Если она дрожала от страха, он замедлялся. Если ей действительно становилось больно, достаточно было сильнее сжать пальцы или сказать: «Подождите», и он останавливался, пока она снова не успокаивалась. Наконец он достал из коробочки возле кровати предохранительное средство. Лидия посмотрела один раз и тут же отвела глаза. Когда они наконец начали, боль всё-таки пришла — острее, чем она представляла. Пальцы Лидии впились в плечо и предплечье Эдмунда, дыхание сбилось. Он немедленно остановился и позволил ей просто лежать среди подушек, пока худшая волна боли не прошла.

— Хотите продолжить? — На этот раз вопрос требовал настоящего ответа.

Лидия не открывала глаз, пока боль не ослабла, затем кивнула. Дискомфорт оставался, но уже не был таким сильным, как в первый момент. Постепенно она поняла, что ощущает не только боль. Рука, которой она до этого держалась за него лишь для того, чтобы выдержать, сама собой начала притягивать его ближе. К тому времени, когда дыхание окончательно сбилось, Лидия уже забыла, как, по её мнению, следовало себя вести. Остались лишь тихие вздохи, которые больше не удавалось сдерживать, и его имя, время от времени срывавшееся с губ.

Потом в комнате стало так тихо, что Лидия слышала, как они оба всё ещё пытаются выровнять дыхание. Эдмунд сначала привёл в порядок себя, затем принёс ей тёплой воды. Когда Лидия села, незнакомая ноющая боль потянула в бёдрах и между ног, и выражение её лица тут же изменилось. Он заметил это, уложил её обратно и убедился, что боль не усиливается и кровотечение не слишком сильное. Лидия выпила несколько глотков воды, после чего сонливость начала неудержимо тянуть её вниз. Когда Эдмунд подтянул одеяло, она поймала его за палец и уже почти во сне спросила: «Вы всё-таки будете сегодня спать здесь?»

— Да.

Только тогда Лидия отпустила его и снова опустилась на подушку. Пустая коробочка по-прежнему лежала возле кровати рядом с наполовину полным стаканом воды и использованным полотенцем. Эдмунд погасил лампу у двери, оставив только ту, что стояла ближе к камину, и лёг рядом. Сначала Лидия оставила между ними небольшое расстояние. Но когда уснула по-настоящему глубоко, сама потянулась к теплу, пока лбом не уткнулась ему в плечо.

Глава 32

Первым, что Лидия почувствовала, проснувшись на следующее утро, была ломота. Талия, ноги и несколько мест, о существовании которых она прежде почти не задумывалась, тупо ныли. Открыв глаза, она ненадолго осталась лежать неподвижно, а затем воспоминания о прошлой ночи нахлынули все разом. Эдмунда в постели уже не было, хотя другая половина по-прежнему хранила его тепло и неглубокий отпечаток тела. Сев, Лидия первым делом по привычке потянулась расправлять простыни. Она едва успела начать взбивать одну из подушек, когда дверь открылась и Клара внесла горячую воду. Её взгляд перешёл с Лидии на кровать, затем на то, как очевидно осторожно Лидия двигает ногами.

— Сегодня вам никому ничего доказывать не нужно. — Клара поставила воду и забрала у неё подушку. — Сначала умойтесь.

На этот раз Лидия не стала спорить. Вставать оказалось больнее, чем она ожидала, поэтому идти пришлось медленно. Женщина в зеркале не превратилась за ночь в кого-то другого. Волосы растрепались, под глазами лежали лёгкие тени от недосыпа, а единственным заметным отличием была бледно-красная отметина сбоку на шее. Лидия уставилась на неё на две секунды, затем поспешно подтянула ворот ночной сорочки выше. Завтрак подали в маленькой столовой внизу. Эдмунд уже был одет; рядом с его прибором лежали два письма из Рейвенсмира и тонкая папка. Увидев, как осторожно она идёт, он отодвинул для неё стул дальше обычного и велел на кухне заварить чай слабее.

Поначалу Лидия так смущалась, что почти не поднимала глаз от тарелки. Но стоило ей начать есть, как выяснилось, что желудок стесняется куда меньше своей хозяйки. Она съела два ломтика хлеба и яйцо. Эдмунд спросил, не болит ли что-нибудь так, как, по её ощущениям, не должно. Лидия пробормотала, что просто всё ноет, и, испугавшись, что он станет уточнять подробности, немедленно перевела разговор на письмо, которое мать прислала накануне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.